

**МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. М.В. ЛОМОНОСОВА**

ФАКУЛЬТЕТ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

**Электронный бюллетень
*ПРАКТИКУМ***

1

Москва, 2019

**МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. М.В. ЛОМОНОСОВА**

ФАКУЛЬТЕТ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

**ИСТОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ГЛОБАЛЬНЫХ И
МИРОПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Электронный бюллетень
ПРАКТИКУМ

2019 - № 1

Москва, 2019

Электронный бюллетень «ПРАКТИКУМ» предлагает читателям подборку научных рефератов и реферативно-аналитических обзоров, подготовленных студентами магистратуры факультета мировой политики МГУ им. М.В. Ломоносова в рамках учебного курса «История и методология мирополитических и глобальных исследований».

Проект носит некоммерческий характер.

Научная редакция: Т.В. СКОРОСПЕЛОВА – д.и.н.; С.А. ТАТУНЦ – д.социол.н., проф.; А.М. ПОНАМАРЕВА – к.социол.н.

Электронный бюллетень «ПРАКТИКУМ». МГУ им. М.В. Ломоносова. Факультет мировой политики. – М., 2019. – № 1.

Данный номер включает в себя подборку рефератов по актуальным вопросам международной безопасности; региональным проблемам мировой политики, а также отдельным аспектам информационного обеспечения внешней политики.

СОДЕРЖАНИЕ

МЕЖДУНАРОДНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

ЧА В.Д. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ИССЛЕДОВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ // J. of peace research. – L., 2001. – Vol. 37, N 3. – P. 339–403.

О.М. Никулина.....5

СОЛОМОН Т. АФФЕКТИВНЫЕ ОСНОВЫ МЯГКОЙ СИЛЫ // European j. of international relations. – 2014. – Vol. 20, N 3. – P. 720–741.

Д.М. Гладышева.....9

А.В. Скобелева ЭВОЛЮЦИЯ САНКЦИЙ КАК ИНСТРУМЕНТА ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ (реферативно-аналитический обзор).....12

БЕЛДОВСКИ Я. И ДР. ПОИСК И ОЦЕНКА ХИМИЧЕСКИХ БОЕПРИПАСОВ – ОПРЕДЕЛЕНИЕ СОСТОЯНИЯ ЗАХОРОНЕННЫХ В БАЛТИЙСКОМ МОРЕ ХИМИЧЕСКИХ БОЕПРИПАСОВ // Deep sea research part II: Topical studies in oceanography. – 2016. – Vol. 128. – P. 85–95.

М.А. Филиппов.....24

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

БАСБРИДЖ Р. ИЕРУСАЛИМСКИЙ РУБЕЖ: ПРИЗРАЧНАЯ СЕПАРАЦИЯ И ТРУДНОСТИ СОСУЩЕСТВОВАНИЯ В РАЗДЕЛЕННОМ ГОРОДЕ // Thesis eleven. – 2014. – Vol. 121, N 1. – P. 76–100.

А.М. Жафярова.....30

СИНОДА Т. ОТВЕТ ЯПОНИИ НА УСИЛЕНИЕ ВОЕННОГО ПРИСУТСТВИЯ КИТАЯ В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ // Asian j. of comparative politics – Niigata, 2016 – Vol. 1. – P. 1–6.

Г.А. Джиганишин.....37

ЛИНЬ Ш. СОЦИАЛЬНЫЕ ИЗДЕЖЖКИ БОЛЬШОЙ СТРАТЕГИИ В ЭРУ ТРАМПА // World affairs institute. – Wash., 2016. – Vol. 179, N 3. – P. 4–23.

Ф.Н. Лапшин.....45

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

РОДРИГЕС А. ЦВЕТНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ: ОПИСАНИЕ СТРАТЕГИЙ ДЕЙСТВИЙ УСПЕШНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ДВИЖЕНИЙ // *Revista Española de Ciencia Política* (РЕСР). – 2011. – N. 26. – P. 127–146.

М.Ю. Еремин.....53

РЕЙНСФОРД Э. ИЗУЧЕНИЕ МОЛОДЕЖНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО АКТИВИЗМА В ВЕЛИКОБРИТАНИИ: ЧТО ДЕЛАЕТ МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ ПОЛИТИЧЕСКИ АКТИВНЫМИ В РАЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ? // *The British j. of politics a. international relations*. – Oxford, 2017. – Sept. 8. – P. 1–17.

А.А. Долбакова.....59

ШВАЛЬБЕ К.Б., ДОГЕРТИ Ш.М. ВИЗУАЛЬНОЕ ОФОРМЛЕНИЕ ЛИВАНСКОЙ ВОЙНЫ 2006 ГОДА: ФРЕЙМИНГ КОНФЛИКТА В ТРЕХ НОВОСТНЫХ ИЗДАНИЯХ США // *Media, war & conflict*. – 2015. – Vol. 8, N 1. – P. 141–162.

М.П. Васильченко.....63

Е.А. Карнаухова. ОСВЕЩЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ ГЕНОЦИДА АРМЯН В БРИТАНСКОМ ЭКСПЕРТНОМ СООБЩЕСТВЕ (реферативно-аналитический обзор)..... 70

МЕЖДУНАРОДНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

ЧА В.Д. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ИССЛЕДОВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ.

CHA V.D. Globalization and the study of international security // J. of peace research. – L., 2001. – Vol. 37, N 3. – P. 339–403.

Ключевые слова: глобализация; безопасность; угроза; суверенитет; идентичность.

Анализируя структурные изменения, произошедшие в области международных отношений после окончания холодной войны, старший советник Центра стратегических и международных исследований, профессор Джорджтаунского университета Виктор Ча описывает процесс трансформации парадигмы безопасности под влиянием глобализации. Автор полагает, что в современных реалиях такие привычные политологам-международникам концепты, как «безопасность», «угроза», «суверенитет» и «глобализация», нуждаются в уточнении. По его мнению, недостатком исследований, посвященных глобализации, является отсутствие системной оценки влияния этого процесса на безопасность. Долгосрочные последствия воздействия глобализации на формы стратегического мышления власть предержащих фактически не рассматриваются в работах современных авторов. Задачу своей статьи автор видит в конкретизации особенностей «новой парадигмы безопасности» в условиях усиления взаимозависимости и взаимовлияния различных сфер и процессов мировой экономики, активизации негосударственных игроков на международной арене, а также изменения повестки дня и структуры политических отношений внутри отдельных стран.

В.Д. Ча констатирует что, неумеренное употребление понятия глобализация, привело к девальвации смысла данного термина и превратило его в «модное слово» ('buzzword'), использующееся преимущественно с целью произвести впечатление на дилетантов. Почти в духе конфуцианской

логики «исправления имен» автор предлагает читателю собственное, собирательное определение глобализации. В его интерпретации глобализация оказывается неким «пространственным» феноменом ('spatial phenomenon'), не сводимым к однократно случившемуся событию. Она представляет собой поступательное и непрерывное расширение процесса взаимодействия ('gradual and ongoing expansion of interaction process') разного рода акторов, а также формирование кооперационных объединений за пределами традиционного поля суверенного государства [с. 392].

Детально анализируя понятие «суверенитет», В.Д. Ча также настаивает на необходимости его научной реинтерпретации, с тем чтобы учесть происходящее усиление взаимозависимости суверенных акторов. Понимание суверенитета в духе веберовской теории легитимного насилия¹ продолжает сохранять актуальность, и он остается одной из базовых категорий современных международных отношений, которая имеет характер основополагающей нормы. Однако, в условиях глобализации сам институт суверенитета претерпевает значимые трансформации.

Суверенитет государств естественным образом ограничивается в сферах, где локальные решения имеют глобальные последствия. Следуя логике неореалистов, автор признает, что в современном мире государство становится менее самостоятельным в принятии решений, делегируя часть своих полномочий наднациональным структурам. Рост взаимодействия между странами, усложнение характера их взаимосвязей делают систему международных отношений похожей не на россыпь монолитных миллиардных шаров (как считали представители традиционного политического реализма в 1940–1960 гг.), а на паутину. Таким образом, глобализация не ведет к отмиранию государств, но вынуждает их

---

¹ Власть и склонность к применению насилия могут быть присущи различным общественным институтам, но положение государства совершенно особенное: только оно имеет легитимное право на насилие и потому является единственным сувереном на территории той или иной страны. – *Прим. реф.*

адаптироваться к новым условиям. В ответ на «вторжение» в сферу мировой политики негосударственных акторов (НГА) система международных отношений (МО) динамично трансформируется, порождая новые формы участия наций-государств в мировых политических процессах, которые в полной мере отвечают изменившимся конкурентным условиям и трендам эволюции МО [с. 392].

Под влиянием глобализации спектр значений термина «безопасность» расширяется.

Во-первых, появляется новый вид безопасности – нефизическая безопасность ('non-physical security'). Речь идет о защите информации и технологий. По мнению автора, именно активное использование информационных технологий и «умного» оружия ('information technologies and 'smartness' of weapons') является залогом повышения эффективности вооруженных сил [с. 395]. Однако полноценными участниками мирового оружейного рынка – производителями, потребителями и продавцами – являются не только государства, но также негосударственные образования, частные компании, индивидуальные предприниматели. Это более чем прибыльный бизнес, а мотивацией для частных лиц служат, в первую очередь, соображения личной выгоды: стремление любым способом превзойти конкурентов и добиться максимальной прибыли при минимуме затрат. В подобных условиях, утверждает В.Д. Ча, национальные государства оказываются не в силах обеспечить всеобъемлющий контроль над движением технологий и информации, что увеличивает существующие угрозы международной безопасности.

Доступность информационно-коммуникационных технологий и транспорта в представлении автора также является одним из вызовов международной безопасности. С одной стороны, это, безусловно, положительное явление, однако оно же упрощает взаимодействие криминальных и террористических организаций, боевиков и наркоторговцев, позволяя им выйти на уровень формирования транснациональных сетей.

Более того, отмечает В.Д. Ча, глобальное значение приобретают проблемы экологии, загрязнения окружающей среды; распространения болезней и смертельных вирусов – совокупное воздействие этих факторов обуславливает трансформацию понятия «безопасность» и выход соответствующих вопросов за рамки национальных границ.

Усиливается взаимосвязь между региональным и глобальным уровнями безопасности. Это, в свою очередь, обуславливает необходимость создания транснациональных коалиций с участием национальных государств, негосударственных организаций и индивидуальных субъектов, поскольку страны уже не справляются с новыми угрозами самостоятельно [400]. Примерами успешного сотрудничества для устранения транснациональных угроз автор называет работу Интерпола, действие Шенгенского законодательства Евросоюза.

Тем не менее, В.Д. Ча отмечает, что последовательная реализация предлагаемой им концепции сотрудничества «поверх границ» может вызвать отторжение основных «адресатов» этого призыва в силу плюралистичности культуры международных отношений. Обратной стороной усиливающихся глобальных процессов становится их дифференциация, имеющая многообразные проявления на локальном уровне. Так, в частности, наблюдается рост национального самосознания народов, не обладающих собственной государственностью, их стремление к участию в глобальных процессах на основе более высокой степени автономии или суверенного развития. В частности, данная тенденция проявляется в рамках процесса европейской интеграции, когда представители таких народов (например, каталонцев, басков, шотландцев) или отдельных регионов заявляют о своём желании непосредственно влиять на принятие решений на уровне ЕС, минуя при этом уровень национальных государств. Т.е. с одной стороны, происходит сближение участников международных отношений, а с другой, – мы наблюдаем, как «воспламеняется идентичность». Таким образом «новая» среда безопасности ('new' security environment), «будет существовать в поле

постоянного пересечения двух феноменов: глобализации и попыток защиты национальной идентичности» [с. 392].

О.М. Никулина

СОЛОМОН Т. АФФЕКТИВНЫЕ ОСНОВЫ МЯГКОЙ СИЛЫ.

SOLOMON T. The affective underpinnings of soft power // European j. of international relations. – 2014. – Vol. 20, N 3. – P. 720 – 741.

Ключевые слова: мягкая сила; Джозеф Най; международные отношения; аффективные инвестиции; притяжение; дискурс.

Важнейшей характеристикой современных общемировых политических процессов является возрастание роли «мягких» инструментов воздействия. По своей сути технологии «мягкой силы» предполагают использование нематериальных ресурсов, достижений культуры, методов убеждения и политических идеалов для оказания необходимого влияния на население зарубежных стран без применения традиционных приемов силового, в том числе, военного давления.

В последнее время отдельные специалисты ассоциируют «мягкую силу» (и её ключевой аспект – притяжение) с нарративным и лингвистическим процессами. В свою очередь, автор рассматриваемой нами статьи – Тай Соломон, – развивает концепцию мягкой силы, проистекающей из «аффективных инвестиций» масс в образы воспроизводимой ею идентичности.

Ослабление позиций государств как ключевых акторов международных отношений проявляется, в числе прочего, в снижении эффективности ресурса «жесткой силы» в реализации ими своих национальных интересов. Происходит постоянное увеличение значимости «мягкой силы», которая сама по себе также не является эффективным механизмом прямого воздействия на политику других государств. Более результативным и корректным средством Т. Соломону представляется политика «умной силы», которая сочетает в себе

«жесткую силу» для принуждения и возмездия и «мягкую силу» в виде убеждения и притяжения. Он подчёркивает, что не любая дилемма внешней политики нуждается в «боевом молоте» физического воздействия [с. 720–721].

Термин «мягкая сила» был введен Дж. Наем в книге «Призвание к лидерству: меняющаяся природа американской власти (1990), где он определил ее как способность достичь желаемого на основе добровольного участия, симпатии и привлекательности, а не посредством принуждения или выплат [с. 722–732].

Согласно Наю эта способность основывается на трёх «китах»:

1. культуре (ее наиболее притягательных аспектах),
2. политических ценностях (если государство придерживается их как внутри, так и за пределами национальных границ);
3. внешней политике (если та воспринимается как легитимная и обладающая моральным авторитетом).

Однако одно лишь наличие подобной «ресурсной базы» не является залогом успеха. Необходимы реальные действия, направленные на достижение требуемого влияния в конкретных сферах.

Ключевым в данном контексте является фактор «притяжения» ('attraction')¹. Най отмечал, что политические лидеры давно осознали силу притяжения: если один человек может побудить другого желать того же, что и он, необходимость в жестком стимулировании отпадает. Однако притяжение является более комплексным феноменом, чем может показаться на первый взгляд: оно выражается и в привлечении внимания, и в оболыщении, и в положительной магнетической привлекательности актора. Най выделяет такие «кластеры качеств», как добросердечность, компетентность и харизма, которые являются основополагающими при воздействии на других в предпочтительном государстве направлении. Также

---

¹ В данном случае также притягательность, привлекательность, привлечение. Используется в качестве противопоставления к принуждению. – *Прим. реф.*

акцентируются социальные аспекты мягкой силы: зависимость уровня притяжения от компетенции и квалификации актора, особенности их восприятия целевым объектом [с. 723–724].

Т. Соломон задаётся вопросом, какими методами акторы добиваются успеха в борьбе за умы и сердца объектов своего воздействия? Ответ на него он находит, обозначая необходимость учитывать роль аффективной составляющей в исследованиях, посвященных «мягкой силе» в международных отношениях [с. 722]. В своей попытке концептуальной разработки некоторых аффективных и эстетических аспектов мягкой силы он апеллирует к идее аргентинского политолога Эрнесто Лакло об аффективных инвестициях [с. 727 – 731].

Полагая, что все социальные практики априори дискурсивны и отображаются в языке через значения, Э. Лакло четко разграничивает понятия «форма» и «сила» в исследовании дискурса. Большинство современных подходов к дискурсу анализируют лингвистические «формы», структурирующие идентичности за счёт концептуализации аффективных и эмоциональных «сил», которые зачастую связаны с подобными структурами и придают им их привлекательность. Данное разграничение играет ключевую роль в осознании взаимосвязи между дискурсом и аффектом, имеющей принципиальное значение для понимания того, как мягкая сила эмоционально резонирует с массами.

Опираясь на терминологию Э. Лакло, Т. Соломон приходит к заключению о необходимости изучения не только дискурсивных «форм», структурирующих идентичность, но и аффективной силы, стоящей за эмоциональными инвестициями в эту идентичность (что наиболее полно отображает их мощь). Следовательно, ключевым фактором эффективности дискурсов притяжения является эффективность инвестиций со стороны публики в нарративные идентичности, конструируемые государствами через мягкую силу. Задачу настоящей статьи Т. Соломон видит в углублении общего понимания теоретических основ мягкой силы и создании

своеобразного задела для будущей детализации методик изучения форм политического воздействия на международной арене. Он утверждает, что мягкая сила черпает свою притягательность преимущественно из аффективной и эстетической динамики социального конструирования идентичности и инвестиций в идентичность, осуществляемых массовой аудиторией. Осознание наличия аффективных инвестиций обеспечивает концептуальную прозрачность объяснения эффективности мягкой силы. Признание фактора эмоциональной притягательности гарантирует более полное понимание социальной динамики в контексте осуществления политики мягкой силы. Иными словами, автор хочет сказать, что потенциал мягкой силы может быть всесторонне раскрыт путём изучения отдельных нематериальных аспектов социальной и политической жизни общества [с. 736–737].

Д.М. Гладышева

А.В. СКОБЕЛЕВА

ЭВОЛЮЦИЯ САНКЦИЙ КАК ИНСТРУМЕНТА ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ¹

Ключевые слова: санкционная политика; санкционные режимы; внешняя политика; международные отношения.

В условиях коренных перемен, происходящих в мирополитической системе с начала третьего тысячелетия, наблюдается тенденция к радикальной инструментализации санкций. Постепенно они преобразуются из реактивного средства внешней политики, применяемого с целью поддержания устойчивости системы и поиска ответов на возникающие вызовы и угрозы, в превентивный механизм продвижения национальных

---

¹ Сокращенная версия настоящей статьи была опубликована в издании Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11.: РЖ / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. – М., 2017. – № 4.

интересов великих держав, обладающих потенциалом для проведения санкционной политики в отношении правительств иных государств.

Известная человечеству история санкций в качестве инструмента политики уходит своими корнями в середину V века до н.э. 432 годом до н.э. датируется древнейшее из найденных на настоящий момент упоминание о введении ограничительных мер друг против друга греческими городами Мегара и Афины. Интересно, что разные авторы прямо противоположным образом определяют инициатора санкционной войны, позже переросшей в реальную Пелопонесскую войну: академик РАН А.А. Кокошин¹ считает «зачинщиком» афинского стратега Перикла, тогда как специалист по санкциям в Институте мировой экономики Петерсона Г. Хафбауэр² утверждает, что декрет о полном запрете торговли первой приняла Мегара. В дальнейшем на протяжении практически всех эпох санкции становились дополнением к боевым действиям, будучи наравне с самими войнами лишь продолжением политики иными средствами.

До первой половины XVII века международные отношения являли собой, главным образом, чередование династических конфликтов и союзов. В тот период сущность санкций заключалась во взаимных ограничительных мерах, вводимых властителями, как правило, абсолютными монархами, преимущественно друг против друга, против правящих домов и приближённых ко дворам коммерсантов, а также собственно государств. При этом, по характеру санкции той поры ориентировались скорее на нанесение вреда имиджу противника, его дискредитацию и изоляцию, нежели на причинение экономического ущерба. Одновременно эффективность таких санкций оказывалась крайне низкой по двум причинам. Во-первых,

---

¹ Мировая политика: теория, методология, прикладной анализ / Отв. ред. А.А. Кокошин, А.Д. Богатуров. – М.: КомКнига, 2005. – Режим доступа: http://www.obraforum.ru/Mirovaja_politika/chapter11.htm [Дата обращения: 01.04.2018.]

² Hufbauer G., Oegg B. A short survey of economic sanctions // Institute for International Economics. August 2001. – Mode of access: https://www.files.ethz.ch/isn/6866/doc_6868_290_en.pdf [Accessed 01.04.2018.]

взаимосвязи между существовавшими в Античности, Средневековье и раннем Новом времени государствами были не слишком тесными, что не порождало значительной экономической взаимозависимости, следовательно, сокращало спектр механизмов взаимного воздействия и сфер, где таковое могло бы осуществляться. Во-вторых, в условиях отсутствия долгосрочных стратегических альянсов и примата принципа гибких *ad hoc* коалиций, формируемых на кратко- и среднесрочную перспективу, оказание всестороннего согласованного воздействия на государство – объект санкций не представлялось возможным¹.

Впоследствии – когда в ходе Тридцатилетней войны сложилась существующая и в настоящее время Вестфальская система международных отношений, в основе которой лежат суверенные государства-нации, – эволюционировала и санкционная политика. Прежде всего, для санкций Вестфальской системы в её классический период характерно становление санкционной политики – как именно политически обусловленной системы ограничительных мер². По своей сути санкции этого периода

---

¹ Своего рода стратегия «идеальных санкций», максимально эффективных и порождающих минимальный эффект бумеранга для тех, кто их вводит, представлена в исследовании Г. Хафбауэра и его соавторов, выделивших семь критериев эффективности экономических санкций. Подробнее см. Hufbauer G., Scott J., Elliott A.K., Oegg B. *Economic sanctions reconsidered*. – Washington D.C.: РИЕ, 2009.

² Относительно уникального права на ведение политики санкций как суверенного права наций любопытно рассмотреть публикации РСМД (например, Санкции против России: направления эскалации и политика противодействия // Доклад РСМД. – 2018. – № 37.); *Атлантического Совета* (например, Forrer J. *Economic sanctions: sharpening a vital foreign policy tool* // Atlantic Council. – June 2017.) и *Центра Новой Американской Безопасности* (например, Harrell P.E., Rosenberg E. *The next generation of sanctions: a strategy of coercive economic policy for the next president* // CNAS. – September 2016.); *НАТО* (например, Mehdiyeva N. *When sanctions bite: global export leadership in a competitive world and Russia's energy strategy to 2035* // NATO Defense College. – January 2017.); *Института ЕС по изучению проблем безопасности* (например, Dreyer I., Popescu N. *Do sanctions against Russia work?* // European Union Institute for Security Studies. – December 2014. – Vol. 35.; Berger B. *Sanctions against North Korea: a tricky dilemma* // European Union Institute for

международных отношений, охватившего непосредственно Вестфальский порядок, а также Венский и Версальско-Вашингтонский, превратились в полномасштабные санкционные войны, объявлявшиеся одним государством другому под предлогом несоблюдения последним международных обязательств и сопутствовавшие реальным боевым действиям между ними.

В качестве хрестоматийного примера санкционных войн классической Вестфальской системы можно привести попытку Наполеона установить континентальную блокаду Великобритании. Так называемая «система твёрдой земли» была введена Берлинским декретом 21 ноября 1806 г. и применялась французским императором в отношении своего основного противника вплоть до 1814 г.¹. Помимо Италии, Нидерландов, большинства германских государств, Испании и Дании к блокаде присоединились Россия и Пруссия (1807), Австрия и Швеция (1809). В результате фактического или по меньшей мере формального (как в случае со Швецией) участия всех великих держав той эпохи в санкционной политике Наполеона против Великобритании последняя столкнулась с серьёзными экономическими потерями от уничтожения сложившихся торговых связей, что, наряду с другими причинами – преимущественно политического характера, – поставило её перед необходимостью активнее, чем в случае с предшествующими антинаполеоновскими коалициями, инициировать создание ключевыми игроками начала XIX века новой коалиции.

Security Studies. – July 2015. – Vol. 23.; Biersteker T., Portela C. EU Sanctions in context: three types // European Union Institute for Security Studies. – July 2015. – Vol. 26.), *Российского аналитического дайджеста* (например, Russian Analytical Digest // 17 December 2014. – N. 157.; Russian Analytical Digest // 12 July 2017. – N. 205.), *Боннского международного центра по конверсии* (например, Kreutz J. Hard measures by a soft power? Sanctions policy of the European Union 1981–2004 // Bonn International Center for Conversion. – 2005. – Paper 45.).

¹ Подмазо А.А. Континентальная блокада как экономическая причина войны 1812 г. // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. Часть II. / Сборник материалов. К 200-летию Отечественной войны 1812 года. – М.: Труды ГИМ, 2003, вып. 137. – С. 249–266.

Причинами высокой эффективности ограничительных мер во времена Версальского порядка служат: возросшая экономическая взаимозависимость государств Нового времени, включённых в складывавшуюся систему мировой экономики и торговли, и переход от «кабинетной» внешней политики в рамках междинастических отношений к отношениям между национальными государствами. И всё же ключевой причиной успеха санкций той поры выступает функционирование концерта и баланса сил великих держав, при котором их мощь приблизительно сопоставима, а значит, каждое изменение двусторонних отношений существенно влияет на общую устойчивость миропорядка. В таких условиях, изоляция любого из ведущих акторов международных отношений остальными, с одной стороны, значительно изменяет расклад сил в глобальной борьбе за лидерство и влияет на его конечный исход, а с другой – провоцирует формирование новой коалиции уже против чрезмерно усилившегося игрока, инициировавшего введение санкций и возглавившего процесс изоляции своего противника. Иными словами, этот же феномен концерта великих держав и баланса сил, напротив, упрощает преодоление санкций и приводит к высокой эффективности ответных ограничительных мер.

Подобные явления наблюдались во время Версальско-Вашингтонского порядка. Сначала в 1920-е годы Веймарская республика сумела наладить отношения с Советским Союзом, также исключённым из мировой политики и экономики, но не по причине поражения в Первой мировой войне, а из политико-идеологических соображений. Подобная изоляция, именно в связке с компенсировавшим её советско-германским взаимодействием, благотворно сказалась на восстановлении обоих государств после драматических событий 1910-х годов и, в конечном итоге, упрочила их положение на международной арене. Воздействие дискриминационного для Германии с военно-политической и экономической точки зрения Версальского мирного договора 1919 г. Германия смогла в некоторой степени смягчить благодаря сотрудничеству с СССР. Вдобавок, развитие отношений с мощной и ещё не

вполне лояльной новому миропорядку державой к востоку от Малой Антанты сыграло на пользу имиджу Германии, укрепив её позиции на переговорах о репарациях, и вскоре после трудного согласования их суммы и сроков помогло освободиться от выплаты оставшейся части репараций. В свою очередь, Советскому Союзу изоляция позволила не ощутить все тяготы Великой депрессии, охватившей Западный мир, а партнёрство с Германией поддерживало минимально необходимую включённость СССР в мировую экономику. В 1930-е годы Италия, Германия и Япония с целью слома Версальского порядка начали продвижение держав оси с вторжения, соответственно, в Эфиопии, Испании и Китае, также не подвергаясь сколь бы то ни было ощутимому санкционному воздействию со стороны членов Лиги Наций, кроме, разве что, безрезультатного исключения агрессоров из рядов этой организации.

На смену классическому периоду Вестфальской системы пришёл биполярный миропорядок. Во второй половине XX века межгосударственные санкционные войны сменились межблоковыми и происходили, в основном, между сверхдержавами. Разделение мира на два противостоящих лагеря снизило эффективность ограничительных мер по двум причинам. Любая страна, столкнувшаяся с рестриктивным воздействием со стороны одной сверхдержавы, могла перейти под «зонтик» другой, компенсируя тем самым потери от связей с инициатором (и его союзниками) применения в отношении неё санкций; более того, каждая из сверхдержав с готовностью предоставляла помощь государствам – объектам санкций, поскольку и СССР, и США были заинтересованы в увеличении числа членов своих, коммунистического или капиталистического, блоков¹.

---

¹ Например, своеобразную политику проводила Пятая республика: будучи включённой в состав победителей во Второй мировой войне при существенной поддержке со стороны Советского Союза, Франция вступила в НАТО; позже президент же Голль вывел страну из военных структур Североатлантического альянса и взял курс на создание национальной ядерной программы, параллельно блокируя принятие привилегированного

Из этих соображений, в свою очередь, произрастал сдерживающий эффект, благодаря которому применение санкций становилось невыгодным для самих сверхдержав, рисковавших не только подтолкнуть нейтральные страны к вступлению в противоборствующий блок, но и отвратить собственных сторонников. Самым ярким примером попытки подлинно санкционного воздействия явилось создание в 1949 г. Координационного комитета по многостороннему экспортному контролю, (КОКОМ) основной функцией которого было ограничение и блокирование поставок «стратегических» товаров и технологий в страны социалистического блока и особенно Советский Союз. Однако с учётом того, что по ряду отраслей (в частности, космической, машиностроительной) СССР либо опережал капиталистический блок, либо не уступал ему, говорить о существенном воздействии данного механизма на внутреннее развитие, подвергнутого давлению государства, представляется не вполне объективным. Таким образом, медианную эффективность ограничительных мер в биполярный период возможно оценить как среднюю: в отношении третьих стран и стран-

---

союзника США – Великобритании в Европейские Сообщества и выступая посредником в усугублявшихся отношениях СССР и стран Запада; кризис в подобной внешнеполитической линии балансирования возник после того, как Париж дал согласие на вступление Великобритании в Европейское Сообщество, и окончательно обозначился к 1990-м годам, когда ещё формировавшаяся ЕПБО/ОЕПБ с согласия Франции была поставлена под контроль США. Аналогичную политику уклонения от чрезмерного влияния со стороны сверхдержав проводил Китай, вплоть до середины 1950-х годов ориентированный в основном на Советский Союз, а после кризисных для двусторонних отношений 1960-х годов и активного участия в Движении Неприсоединения постепенно переключившийся на преференциальное партнёрство с США, апогеем чего стал визит президента Р. Никсона в КНР. Наконец, хрестоматийным примером можно считать внешнюю политику таких ближневосточных стран, как Израиль и Египет – каждая из которых на протяжении второй половины XX века искала поддержки поочередно у каждой из сверхдержав, а также Иран – который при шахе Пехлеви был нацелен на приобщение к капиталистическому блоку, а после Исламской Революции 1979 года ставший использовать фактор ограниченного взаимодействия с «малым сатаной» СССР для противостояния «большому сатане» США.

противников она была низкой, результативным же оказывалось давление каждой из сверхдержав на государства внутри своих блоков.

За роспуском социалистического лагеря и Советского Союза последовало десятилетие, получившее (с лёгкой руки Ч. Краутхаммера) название «однополярный момент» и давшее основание предположить, что далее наступит продолжительный период однополярного миропорядка. Однако террористические атаки 11 сентября 2001 г. недвусмысленно продемонстрировали неспособность даже очевидного лидера, вступившего во второй век своего доминирования (в соответствии с моделью длинных циклов мировой политики Дж. Модельски и У. Томпсона), нести «бремя», как это обозначил президент Дж. Буш-старший¹, единоличного гегемона. На протяжении первых лет XXI века миропорядок адаптировался к новым реалиям, всё явственнее возвращая международные отношения к классическому периоду Вестфальской системы с подъёмом региональных лидеров и превращением их в равновеликие державы.

Тем не менее, это ещё не означало признания за ними равноправной роли на глобальной арене: сопротивление со стороны уходящего гегемона объективному процессу перераспределения мирополитической мощи выразилось в политике санкций. Первоначально она была инструментом, с помощью которого США сплачивали вокруг себя союзников и привлекали на свою сторону прежних абстенционистов – в случае с ограничительными мерами в отношении КНДР и Ирака, – или хотя бы заручались нейтралитетом ключевых игроков, способных помешать осуществлению американских планов, – в случае с Ливией и Сирией. Потом политика санкций начала использоваться для открытых и латентных попыток подавления новых великих держав – примером служат прямые санкции

---

¹ Bush G.H.W. State of the Union address (January 29, 1991). – Mode of access: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/january-29-1991-state-union-address>. [Accessed 07.06.2018.]

против России и Ирана и России, а также косвенное препятствование экономической экспансии Китая.

Вместе с тем, тот факт, что формирующийся миропорядок является во многом ренессансом международных отношений, основанных на концерте великих национальных держав и балансе сил между ними, даёт основания заметить, что параллельно росту эффективности дискриминационных мер увеличиваются степень обратной отдачи и возможности ответных санкционных мер. Подобная тенденция позволяет предположить, что в будущем международные отношения ожидает перманентное нарастание количества санкционных режимов при резком разграничении их качественных параметров. Видятся три группы санкционных режимов.

Некоторые ограничительные меры окажутся продолжительными по срокам, будут регулярно продлеваться и расширяться, носить характер навязывания той или иной политической линии экономическими механизмами. Таковыми следует считать санкции, которые уже действуют или будут введены в отношении стран, относимых коллективным Западом к «странам-изгоям» (rogue states) и «несостоявшимся государствам» (failed states). Примечательно, что их низкая эффективность была уже неоднократно продемонстрирована тем, что, не достигнув своих целей в отношении этих стран санкционным воздействием, США и их союзники сочли себя вынужденными осуществить вторжения в Ирак, Афганистан, Ливию, Сирию... По признанию большинства экспертов, КНДР удаётся избежать вторжения на свою территорию только за счёт обладания ядерным оружием¹.

---

¹ «Вероятность военного столкновения с Северной Кореей – около 30%» Кореист Константин Асмолов – об обострении отношений между США и КНДР. – Режим доступа: <https://meduza.io/feature/2017/08/09/veroyatnost-voennogo-stolknoveniya-s-severnoy-koreey-okolo-30> [Дата обращения: 07.06.2018.] Арбатов А.Г. Ядерное оружие является для КНДР гарантией выживания режима. – Режим доступа: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/yadernoe-oruzhie-yavlyayetsya-dlya-kndr-garantiey-vyzhivaniya-rezhima/?sphrase_id=12472304 [Дата обращения: 07.06.2018.]

Важно также подчеркнуть, что участием в этих санкционных режимах отметятся не все постоянные члены Совета Безопасности ООН, что дискредитирует легитимность вводимых в обход их вето дискриминационных мер¹.

Ряд санкционных режимов будет допустимо классифицировать как «замороженные». К ним можно будет отнести, например, введённые против России санкции со стороны США и их союзников по НАТО, а также стран Европейского союза, и ответные меры России. Их регулярное продление и вероятное несущественное расширение станет проявлением того, что, при обоюдном понимании экономической нецелесообразности и политической бессмысленности существующих ограничительных мер, сохраняется потребность в поддержании имиджевой, репутационной составляющей взаимной санкционной политики. О какой бы то ни было стратегической эффективности данных санкций, несмотря на весь производимый ими в настоящее время экономический ущерб, говорить не приходится: если рассматривать их с легалистских позиций, то для признания ограничительных мер правомерными требуются решения международных институтов – прежде всего, Совбеза ООН²; в отсутствие его резолюций

«Ядерное оружие – единственная гарантия»: эксперт обрисовал перспективы встречи Трампа с Ким Чен Ыном. – Режим доступа: <https://slovodel.com/510735-yadernoe-oruzhie-edinstvennaya-garantiya-ekspert-obrisoval-perspektivy-vstrechi-trampa-s-kim-chen-ynom> [Дата обращения: 07.06.2018.]

¹ Одновременно возникает определённый скептицизм со стороны государств ООН, не входящих в круг постоянных членов Совбеза. Скептицизм порождён недостаточной прозрачностью всех этапов коллективной санкционной практики. В частности, недоверие вызывают избрание членов и глав комитетов по санкциям, членов экспертных групп при комитетах, подотчётность комитетов Совбезу, непубличность их отчётов, консенсусный принцип принятия решений в комитетах. Подробнее см. Ryan A.F. Sanctions implementation and the UN Security Council: the case for greater transparency // International Peace Institute. – March 2014.

² Следовательно, этот режим санкций будет претворяться в жизнь в интересах и за счёт транснациональных компаний. Участие ТНК в политике ограничительных мер освещено в работе М. Рэтбон, П. Джейдела и Э. Лентц.

вводимые санкции носят диспозитивный характер, что оставляет возможности подвергнутым дискриминационным мерам великим державам создавать коалиции по противодействию другим великим державам, использующим эти меры для достижения своих национальных интересов, а не задач международной безопасности и развития.

Наконец, введение несущественного числа санкционных режимов произойдет в отношении тех стран, которые будут признаны нарушителями международного права большинством государств ООН и всеми постоянными членами Совета Безопасности¹. Только подобное единодушие позволит сделать такие санкции непродолжительными, диверсифицированными по средствам принуждения к изменению нежелательной для всего мирового сообщества политики и высокоэффективными.

Принимая во внимание изложенную классификацию санкционных режимов, которые наблюдаются в настоящее время и имеют все шансы сохраниться в будущем, представляется логичным выделить следующие две цели введения ограничительных мер:

1) Принуждение подвергнутых санкциям государств, групп государств и негосударственных акторов, к определённому политическому поведению. Как правило, это принуждение к отказу от нежелательных действий, чаще всего таких как нарушение международного права², распространение оружия массового поражения, террористическая деятельность, развязывание войн³, кроме того, угрозы территориальной целостности иных государств и

Rathbone M., Jaydel P., Lentz A. Sanctions, sanctions everywhere: forging a path through complex transnational sanctions law // *Georgetown j. of international law*. – 2013. – Vol. 44. – P. 1055–1126.

¹ Довольно подробное исследование на тему успешности роли ООН в применении санкций изложено в статье М.Э. О’Коннелл. См.: O’Connell M.E. Debating the law of sanctions // *EJIL*, 2002. – Vol. 13. – N. 1. – P. 63–79.

² Jaeger M.D. Sectoral sanctions: the long arm of coercive diplomacy // *SCC analyses in security policy*. – June 2015. – N. 176.

³ Boon K.E. Terminating Security Council sanctions // *International Peace Institute*. – April 2014.

совершение преступлений против человечности¹. Также это может быть принуждение к восстановлению демократически легитимизированных правительств, завершению гражданских войн, разоружению².

2) «Санкции ради санкций» за счёт их сакральной роли для внутрисполитической жизни страны, вводящей санкции. В данном случае, применение дискриминационных мер следует считать символом решительности и лидерских подходов как действующего руководства страны для её внутренней политики, так и самой страны на международной арене, воплощением ожиданий как национального электората, так и внешнеполитических партнёров и противников³. Отдельные авторы отмечают, что в данном случае санкции способствуют сохранению уровня доверия по отношению к США и ЕС⁴. Снятие таких санкций, следовательно, зависит не столько от поведения государства, подвергнутого ограничительным мерам и не от их действительной эффективности. Оно определяется преимущественно тем, считает ли данные санкции эффективными само государство, введившее дискриминационные меры, и находит ли оно, что эти меры способствовали достижению его целей⁵.

Подводя итог всему вышесказанному, мы можем констатировать, что ограничительные меры становятся самостоятельным внешнеполитическим инструментом, либо дополняющим военную силу, либо предлагающим альтернативные меры принуждения. Санкции, прежде стоявшие на страже коллективных интересов международной безопасности и развития, теперь оказываются поставленными на службу национальным интересам

---

¹ Dreyer I., Luengo-Cabrera J. Sanctions against 'agressors' – seven lessons // European Union Institute for Security Studies. – April 2015. – Vol. 23.

² Trachsler D. Economic sanctions: silver bullet or harmless dud // CSS analysis in security policy. – November 2010. – N. 83.

³ Ibid.

⁴ Popescu N. Sanctions and Russia: lessons from the Cold War // European Union Institute for Security Studies. – April 2015. – Vol. 10.

⁵ Giumelli F. Sanctions: moving targets and goalspots // European Union Institute for Security Studies. – July 2015. – Vol. 36.

суверенных государств, что делает их доступными далеко не всем государствам. Это, в свою очередь, превращает сами санкции в новую форму реализации национальных интересов, а потенциал к введению и реализации санкционной политики в один из критериев выстраивания новой иерархии национальных государств в рамках формирующегося миропорядка XXI века.

БЕЛДОВСКИ Я. И ДР. ПОИСК И ОЦЕНКА ХИМИЧЕСКИХ БОЕПРИПАСОВ – ОПРЕДЕЛЕНИЕ СОСТОЯНИЯ ЗАХОРОНЕННЫХ В БАЛТИЙСКОМ МОРЕ ХИМИЧЕСКИХ БОЕПРИПАСОВ.

BELDOWSKI J. et al. Chemical munitions search & assessment – An evaluation of the dumped munitions problem in the Baltic Sea // Deep sea research part II: Topical studies in oceanography. – 2016. – Vol. 128. – P. 85–95.

Ключевые слова: химическое оружие; химические вещества; Балтийское море; биомаркеры; придонные течения.

Настоящая статья авторского коллектива¹ под руководством доктора Яцека Белдовски (Институт океанологии Польской академии наук) обобщает результаты ряда исследований, проведенных в рамках проекта «Химические боеприпасы, поиск и оценка» (Chemical Munitions Search and Assessment, CHEMSEA), и содержит наиболее релевантные выводы о характере и методах оценки угрозы захороненного в Балтийском море химического оружия.

В работе подчеркивается, что в настоящий момент боеприпасы на дне Балтийского моря находятся на различных стадиях разрушения. Их металлическая оболочка подвергается коррозии, и содержимое попадает в окружающую среду, представляя риск для экосистемы Балтийского моря

---

¹ Зигмунт Клусек, Марта Шубска, Раиса Турия, Анна И. Бульчак, Даниил Рак, Матиас Бреннер, Томас Ланг, Лех Котвитски, Катажина Гжелак, Яромир Якацки, Николай Фрике, Андерс Остин, Ульф Олссон, Яцеф Фабизьяк, Галина Гарнага, Дженни Ратфельт Нюхёлм, Пётр Маевски, Катя Брокечки, Мартин Седерстрем, Паула Ванин, Станислав Попель, Якуб Навала, Кари Лехтонен, Рун Берглинд, Беата Шмидт.

[с.4]. Кроме того, любая деятельность на морском дне может представлять опасность, так как все больше затрагивает загрязненные районы.

Основной целью исследования было изучение ранее умалчиваемых или только частично изученных точек захоронения¹, а также разработка практических инструментов, которые бы позволили оценить возможные риски. Основными задачами являлись: разработка новых методов обнаружения и анализа химического оружия и продуктов его распада, обследование заявленных и незаявленных мест захоронения, оценка характера и масштаба химического заражения и его влияния на экологию. Исследование носило междисциплинарный характер, и его в рамках было выделено три основных направления:

1. наблюдение за придонными течениями с целью определения возможности распространения зараженных взвесей;
2. моделирование придонных течений и маршрут распространения возможных утечек;
3. исследование влияния химического оружия на состояние морских организмов в трех основных районах захоронения (Слупской Рынне, Гданьской впадине и Готландском бассейне).

Первая часть статьи посвящена описанию оборудования и различных методов обнаружения и исследования. Южная часть Готландской впадины и Гданьский залив были обследованы при помощи гидролокаторов бокового обзора (side-scans), а также однолучевых и многолучевых эхолотов (single and multibeam echosounders). Помимо этого, были изучены маршруты следования судов с химическими боеприпасами от портов отправления до мест затопления. В результате, наибольшую эффективность в определении объектов на морском дне продемонстрировали гидролокаторы бокового

---

¹ Missiaen T., Paka V., Emalyanov E. Modelling of Ecological Risks Related to Sea Dumped Chemical Weapons Synthesis Report of the Available Data. – 2006.; Missiaen T. et al. Evaluation of a chemical munition dumpsite in the Baltic Sea based on geophysical and chemical investigations // Sci Total Environ. – 2010. – Vol. 408. – N. 17. – P. 3536–3553.

обзора типа Klein 5000 и EdgeTechDF-1000, смонтированные на буксируемом эхотрале (towfish). Положение и обмер объектов производился при помощи геоцентрической системы опорных координат, основанной на Международной геоцентрической системе координат ('International Terrestrial Reference System (ITRS) e.g. WGS84). В зоне Гданьской впадины применялся буксируемый протонный магнитометр (towed proton magnetometer) типа SeaQuest для определения аномалий магнитного поля Земли с целью обнаружения в придонных районах ферромагнитных объектов. Но они использовались только в качестве вспомогательных средств для упрощения определения объектов операторами и преимущественно на начальной стадии мониторинга [с. 7]. Для визуального подтверждения объектов и их съемки, а также для взятия проб широко применялись дистанционно управляемые аппараты (Remotely Operated Vehicle, ROV).

Чтобы оценить возможность распространения химических веществ за пределы зон захоронения были изучены характеристики придонных течений в трех районах (Слупской Рынне, Гданьской впадине и Готландском бассейне) при помощи *акустического* доплеровского профиломера течений (Acoustic Doppler Current Profile, ADCP) и гидрометрической вертушки Valeport. Для прогноза распространения зараженных донных отложений в другие районы Балтийского моря была использована высокоточная гидродинамическая модель (high-resolution hydrodynamic model), основанная на гидрологических параметрах Балтийского моря и характеристиках опасных материалов.

Важным компонентом исследования был анализ проб донных отложений, собранных в различных районах Балтийского моря. В общей сложности было собрано 180 образцов (108 – в Готландской впадине, 21 – в районе острова Борнхольм, 9 – на маршруте следования к Слупской Рынне, 30 – в районе Гданьской впадины и еще 12 – в Гданьском заливе) [с. 9]. Все собранные пробы были детально изучены на предмет присутствия следов химического в лабораториях Швеции и Финляндии.

Влияние химического оружия на окружающую среду в статье оценивается на примере анализа бентической фауны и биомаркеров трески (cod) и голубых мидий (blue mussels), а также химического анализа проб для установления наличия или отсутствия следов химического оружия или продуктов его распада. Образцы были собраны в зараженных и контрольных районах, после чего в лабораториях были определены основные индикаторы, по которым и производился анализ. Бентическая фауна служила индикатором возможного повреждения ареала обитания продуктами химического оружия, треска была выбрана, как вид, пользующийся популярностью у рыбаков, а голубые мидии позволяют исключить эффект миграции и продемонстрировать реакцию непосредственно в зоне контакта с отравляющими веществами.

Оценка рисков для морских организмов, связанных с продуктами распада химического оружия в придонных отложениях, а также степень их токсичности были изучены в лаборатории экспериментальным путем по нескольким параметрам: выживаемость и рост организмов в сложных химических условиях [с. 13].

Во второй части статьи представлены результаты исследований.

Обследование морского дна показало присутствие более чем 40,000 объектов, 17,000 из которых по размеру и акустическому сигналу (acoustic shadow) были отнесены к боеприпасам. Некоторые обнаруженные объекты были изучены при помощи беспилотных аппаратов. Кроме того, в районе Готланда исследование морского дна показало присутствие следов трала в районах захоронений, несмотря на введенный запрет.

Оценка проб придонных осадков на предмет наличия там следов химического оружия или продуктов его распада показала, что из 175 образцов 55 показали заражение [с. 14]. Лабораторный анализ показал присутствие продуктов распада иприта и мышьяковых соединений. В Борнхольмской впадине (Bornholm Deep) почти все взятые пробы показали присутствие химического загрязнения. Более того, заражение химическими

веществами было зафиксировано и за пределами обозначенной зоны захоронения. В районе Готландской впадины по результатам исследования присутствие отравляющих веществ носит локальный характер. Однако, распространение сгустков иприта на расстояние в 30 метров противоречит предыдущим предположениям о том, что максимальный радиус рассеивания иприта равен 1,5 метрам¹. Присутствие химического оружия также было обнаружено в Гданьской впадине, на маршруте из порта Вольгаст к району захоронения в Готландской впадине, следы отравляющих веществ были также обнаружены в районе Гданьского залива. Это может служить индикатором распространения заражения из-за гидрологических особенностей Балтийского моря, либо указывать на присутствие неизвестных захороненных объектов.

Изучение течений показало, что химическое оружие и продукты его распада могут переноситься течениями непосредственно из протекающих емкостей или путем движения придонных отложений. Автор подчеркивает, что возможность переноса придонных взвесей должна быть исследована отдельно.

Моделирование возможных утечек химического оружия было сделано на основании двух параметров: максимальная дистанция от источника на которой может быть выявлена определенная концентрация химических веществ и время, за которое концентрация упадет ниже установленного уровня. Анализ двух районов (Гданьской впадины и Слупской Рынны) показал, что во втором районе скорость утечки выше, чем в первом. Кроме того, результатом моделирования стало определение опасной концентрации на уровне 0,1 мкМ/см³. Размер зоны заражения равнялся окружности диаметром 4 километра, где опасная концентрация держалась до трех дней [с. 19].

---

¹ Francken F., Hafez A. M. A case study in modeling dispersion of yperite and CLARK I and II from munitions at Paardenmarkt, Belgium // Marine technology society j. – 2009. – Vol. 43, N. 4. – P. 52–61.

Изучение влияния химического оружия на фауну, населяющую Балтийское море, являлось важным компонентом проведенного исследования. Разнообразие макрофауны и мейофауны в районах захоронений крайне невелико из-за сложных бескислородных условий, воздействие которых трудно отделить от влияния отравляющих. Однако, некоторые нематоды (*nematode species*) приспособились к тяжелым условиям и колонизируют районы захоронений. Что касается трески, то существенных расхождений в состоянии здоровья рыб в зараженных и контрольных районах нет, но на уровне органов, зубов и клеток у рыб в районах захоронений заметны изменения. Биомаркеры голубых мидий в местах захоронений также продемонстрировали ряд анхиметаморфоз по сравнению с контрольными районами.

Зараженные придонные взвеси не представляют большой опасности для животного мира. Только два образца из Готландской впадины повлияли на выживаемость и активность галактозидазы (*galactosidase*), а один образец из Слупской Рынны значительно затормозил развитие «водяной блохи». Однако для детального определения воздействия химического оружия на биологические виды нужны дополнительные исследования.

Междисциплинарный характер проведенного исследования позволил выявить, что проблема химического оружия в Балтийском море выходит за установленные ранее рамки, ограниченные непосредственной близостью к боеприпасам и емкостям. Были получены новые данные о гидрологических особенностях Балтики и реакции морских организмов на сложные химические условия. Авторы работы считают необходимым проведение дополнительного исследования распространения веществ на микроуровне и распада отравляющих веществ.

М.А. Филиппов

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

БАСБРИДЖ Р. ИЕРУСАЛИМСКИЙ РУБЕЖ: ПРИЗРАЧНАЯ СЕПАРАЦИЯ И ТРУДНОСТИ СОСУЩЕСТВОВАНИЯ В РАЗДЕЛЕННОМ ГОРОДЕ.

BUSBRIDGE R. Frontier Jerusalem: Blurred separation and uneasy coexistence in a divided city // Thesis eleven. – 2014. – Vol. 121, N 1. – P. 76–100.

Ключевые слова: разделенный город; палестино-израильский конфликт; Иерусалим; поселенческий колониализм; депалестинизация.

На сегодняшний день более 50% населения планеты проживает в городах. Преимущества подобного образа жизни могут нивелироваться конфликтами, возникающими вследствие политизации идентичности различных этнических групп, представленных в городской среде. Формировании глубоких разделительных линий внутри городского сообщества обычно воспринимается как нечто однозначно негативное. Однако не следует забывать, что разделение городов – это сложный многоступенчатый процесс, происходящий лишь при наличии ряда объективных предпосылок. Таким образом, зачастую разделение оказывается «меньшим из зол» и способствует предотвращению открытого конфликта и вооруженных столкновений.

Сама идея городской сегрегации не нова: соответствующая практика применялась в древней Месопотамии, средневековой Европе, колониальной Индии XVIII-XIX веков, Китае середины XIX века. Сегрегация – это политика целенаправленного отделения или изоляции какой-либо группы населения по расовому, этническому и т.п. признакам. Применительно к рассматриваемому в настоящей работе Иерусалиму следует отметить, что лежащие в основе разделения этнический, религиозный и языковой признаки довольно жестко коррелируют друг с другом.

В своей статье Рейчел Басбридж (Свободный университет Берлина, Германия) рассматривает «феномен Иерусалима» – легендарного города,

ставшего полем бесконечных сражений и распрей между иудеями и мусульманами. До 1917 г. Иерусалим входил в состав Османской империи. С 1917-го по 1947-й годы он был административным центром английской подмандатной территории Палестина. 29 ноября 1947 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию № 181 «Будущее правительство Палестины» о разделе Палестины на еврейское и арабское государства. В результате первой арабо-израильской войны (15 мая 1948 г. – 20 июля 1949 г.) Иерусалим оказался разделен на две части: Западный Иерусалим находился под контролем Израиля, а Восточный, включая Старый город контролировала Трансиордания (в настоящее время – Иорданское Хашимитское Королевство). 5 декабря 1949 г. Израиль, несмотря на протесты большого числа стран, объявил Западный Иерусалим своей столицей, куда 26 декабря переехал израильский парламент – кнессет.

Разъединение Иерусалима привело к формированию двух «параллельных реальностей» со своей экономикой и культурой. Именно поэтому даже в 1967 г., после шестидневной войны, когда Иордания утратила контроль над Восточным Иерусалимом, разрушение разделительной стены не привело к фактическому объединению. В политическом плане жители Западного Иерусалима ощущали себя гражданами сильного благополучного государства, тогда как палестинцы страдали от дефицита суверенитета, нестабильности политических и экономических институтов и отсутствия надежных союзников. На 1967 г. 60% жителей Восточного Иерусалима не имели водоснабжения и 30% – электричества, в то время как все жители западной части города пользовались этими благами. Среднедушевой доход населения в Восточном Иерусалиме был в четыре раза ниже, чем в Западном¹.

После того, как в 1967 году Израиль занял весь Иерусалим, обе части города – и западная, и восточная – де-факто перешли под юрисдикцию и

---

¹ Calame J., Charlesworth E. Divided cities: Belfast, Beirut, Jerusalem, Mostar, and Nicosia. – Philadelphia, 2011. – P. 240.

полный контроль Израиля. Израильский суверенитет над восточной частью города официально не был признан ООН и значительной частью международного сообщества. В резолюции 242 от 22 ноября 1967 г. Совет Безопасности ООН призвал Израиль вывести войска с оккупированных территорий, однако она не была выполнена.

В январе 1950 г. Израиль объявил Иерусалим своей столицей и перевел в его западную часть государственные учреждения, а 30 июля 1980 г. назвал Иерусалим своей «единой и неделимой столицей». Совбез ООН отверг право Израиля на Восточный Иерусалим и призвал страны-члены ООН вывести свои диппредставительства из города (резолюция 478 от 20 августа 1980 г.).

Палестина же претендует на восточную часть города. Она была провозглашена столицей государства Палестина в декларации о независимости Палестины от 15 ноября 1988 г. Это положение закрепил закон, принятый Палестинским законодательным советом 2 октября 1997 г., и Основной закон Государства Палестины от 29 мая 2002 г. Стоит отметить, что палестинские органы власти никогда в Иерусалиме не размещались.

С 1980-90-х гг. большую часть населения города составляют евреи – 64%. Доля палестинцев почти вдвое меньше – 36 %.

Планомерное упрочение израильского присутствия привело к закреплению за Иерусалимом статуса разделенного города, что может быть описано в терминах иммунной защиты, вынужденного стратегического ответа социально-политического организма (Иерусалима) на внутреннюю угрозу.

Власти Израиля активно пользуются своим доминирующим положением, работая над расширением присутствия еврейского населения в городской черте Иерусалима путём строительства дополнительных поселений. Данные меры вызывают недовольство и раздражение у палестинцев, которые часто вступают в стычки с полицией и еврейскими жителями восточной части города. При этом, как отмечает автор, в попытках израильских властей сделать город полностью обособленным от арабов, не

учитывается реальное положение дел и фактор переплетения соседских связей представителей различных этнических общин.

В тезаурус экспертного сообщества давно вошли два термина: «иудаизация» и «депалестинизация»¹. Эти понятия характеризуют процесс вхождения восточной части Иерусалима под юрисдикцию Израиля и увеличение численности населения еврейской части города.

Позволим себе несколько отвлечься от изложения идей Р. Басбридж и кратко обозначить те объяснения сути палестино-израильского противостояния, которые предоставляют нам наиболее известные концепции этнического конфликта. Отметим, что конфликт становится этническим в тот момент, когда этнические различия начинают направлять действия сторон этой борьбы². С нашей точки зрения, наиболее полно содержание палестино-израильских противоречий раскрывается в рамках ценностного подхода Д. Пантича, соответствующего структурно-функционалистской парадигме. Согласно этому подходу цели сторон определяются ценностями – стабильными, общими, иерархически организованными элементами группового общественного сознания. При этом ценности соперничающих групп носят взаимоисключающий характер. Схожей логикой руководствуются сторонники «цивилизационной концепции», т.е. последователи О. Шпенглера, Н.Я. Данилевского, П.А. Сорокина, А. Тойнби, С. Хантингтона и др., проводя жесткую разделительную линию между исламской и христианской цивилизациями³. С учетом дисбаланса в уровне социально-экономического развития Восточного и Западного Иерусалима, а также политического ущемления палестинцев в Израиле, немалую актуальность приобретает социально-психологический подход: «концепция фрустрации – агрессии» Д. Долларда (одна этническая группа препятствует удовлетворению потребностей другой, провоцируя агрессию), «концепция

---

¹ Yiftachel O. Ethnocracy: The politics of Judaizing Israel / Palestine // Constellations. – 1999. – Vol. 6. – P. 362–391.

² Татунц С.А. Этносоциология. – М., 1999. – С. 68.

³ Татунц С.А. Этносоциология. – М., 1999. – С. 67–72.

внутреннего колониализма» М. Гектера (триадная модель возникновения этнического конфликта в условиях неравномерного социально-экономического развития: объективная обделенность определенных этнических групп благами модернизации; осознание этой обделенности членами этнической группы; формирование этнонационализма как реакции на колониализм Центра). Наконец, значимую роль в палестино-израильском противостоянии играет «политизация этничности». Согласно Дж. Ротшильду, превращение этноса в субъект политики влечет этнополитические конфликты¹. Основными факторами политизации еврейской идентичности являются становление сионизма и Холокост, а палестинской – борьба за мусульманские святыни в Иерусалиме и противодействие государству Израиль.

С учетом непростого багажа противоречий, накопленных в ходе арабо-израильского конфликта, Р. Басбридж анализирует специфику правового положения палестинцев, проживающих в Иерусалиме.

Первая особенность заключается в том, что палестинцы, жители восточной части Иерусалима, имеют статус «постоянных резидентов города», но не граждан Израиля. В своих правах и обязанностях они приравниваются к иностранным гражданам, однако, в отличие от иностранцев, которые могут свободно и на любой срок покидать город, «постоянные резиденты» могут лишиться своего статуса, если длительное время будут отсутствовать вне Иерусалима.

Вторая особенность – это ограниченное активное избирательное право. Палестинцы могут принимать участие в муниципальных выборах, но не могут голосовать на парламентских выборах в кнессет.

Третья особенность связана со статусом членов семьи. Если один из родителей не является «постоянным резидентом», то он обязан получить специальную визу под названием «воссоединение семьи». Трудность здесь

---

¹ Там же.

заключается в огромном количестве отказов на соответствующие запросы. Причина кроется в уже упоминавшейся выше политике властей Израиля: Иерусалим должно населять как можно больше граждан Израиля и соответственно как можно меньше палестинцев.

Социально-политическое разделение находит своё отражение и в особенностях градостроительной политики Иерусалима.

Если сравнить две части города, то в глаза бросаются горы мусора и разбитые дороги в палестинской части Иерусалима. У муниципальных властей нет финансовых средств на обустройство территории.

Ещё одной проблемой здесь является перенаселённость арабских районов и ужасное состояние жилищного фонда. Многие семьи живут в лачугах и самовольных постройках, которые систематически сносятся израильскими властями.

В 2002 г. после очередного всплеска насилия со стороны палестинцев власти Израиля вложили более 30 млн долл. в строительство разделительной стены. Стена была воздвигнута таким образом, что многие палестинские семьи оказались отрезанными от своих поселений. Всё это привело к экономическому упадку некоторых районов, переезду палестинцев в соседние поселения и, соответственно, вызвало дефицит жилья.

Автор приходит к выводу, что у палестинцев нет никаких рычагов давления для противодействия националистической и дискриминационной политике властей Израиля, которые руководствуются принципом «Иерусалим принадлежит исключительно евреям».

Экономически развитая западная часть города ежегодно расширяется, благодаря собственным финансовым средствам муниципалитета, а также крупным вложениям иностранных инвесторов. Наличие всемирно известных религиозных достопримечательностей и ежегодный поток туристов пополняют городскую казну более чем на 300 млн долл.

Прослеживая историю палестино-израильского противостояния в XX веке, Р. Басбридж отмечает, что после 1948 г. некогда большое палестинское

сообщество, проживающее в западной части Иерусалима, распалось под давлением Израиля, и многие жители были вынуждены покинуть территорию, где веками проживали их предки. К 1948 г. жители города были распределены по принципу «евреи должны проживать с евреями, арабы с арабами». Власти Израиля стремятся стереть с лица земли любые напоминания о присутствии на этой территории палестинского народа. Те поселения, которые вошли в состав западного муниципалитета, были переименованы, а многовековая арабская архитектура либо оставлена разрушаться, либо к ней специально ограничивался доступ. Например, в самом центре Иерусалима между улицами Гилель и Агрон можно увидеть заброшенное средневековое мусульманское кладбище с покосившимися и разрушенными могилами. Его название, – Мамилла, – происходит, скорее всего, от арабского «верую в Аллаха», или «все от Аллаха», намекая, что даже смерть не находится в наших руках. Захоронения, в основном, относятся к периоду мамлюков. Известно, что здесь хоронили людей из высшего общества – судей, военачальников, знатных вельмож и их жен. Об этом кладбище, как наиболее известном на этой земле, писал еще в 1495 г. знаменитый историк Муджир эд-дин. На сегодняшний день, от бывшего кладбища осталось не более 10%. Муниципалитет Иерусалима постоянно отрезал от него куски то для строительства дороги, то для городской автостоянки.

Р. Басбридж также обращает внимание на отсутствие правовых механизмов защиты палестинцев. Формально израильские государственные органы и суды должны способствовать реализации палестинцами своих прав и свобод, но на практике этого не происходит. Любой вопрос, начиная от получения разрешения на проживание в городе вплоть до рассмотрения уголовных и гражданских дел с участием палестинцев в израильских судах, сопровождается бюрократическими трудностями. Это проблема гораздо более глубокая, чем просто регулирование вопросов из сферы ЖКХ на территории одного города.

Автор не даёт прямого ответа на вопрос, какая судьба уготована одному из мировых религиозных центров, в котором ущемляются права определенной этноконфессиональной группы. Она призывает власти Иерусалима содействовать укреплению хрупкого мира между двумя народами и всеми доступными способами поощрять любые попытки активистов и общественных деятелей с обеих сторон наладить отношения с соседями. Будущее Иерусалима определяется динамикой развития израильско-палестинского конфликта. В то время как большая часть международного сообщества надеется на решение этой проблемы в рамках концепции «двух государств для двух народов», Израиль стремится сохранить статус-кво. По мнению Р. Басбридж, сохранение статуса Иерусалима как разделенного города должно рассматриваться в качестве временной меры, которая не отменяет необходимости поиска более эффективных способов урегулирования конфликта между Израилем и Палестиной. Она подчеркивает необходимость выстраивания сотрудничества между арабами и израильянами на уровне гражданских сообществ, системы образования, с целью консолидации различных этнических групп в рамках общих ценностей.

А.М. Жафярова

СИНОДА Т. ОТВЕТ ЯПОНИИ НА УСИЛЕНИЕ ВОЕННОГО ПРИСУТСТВИЯ КИТАЯ В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ.

SHINODA T. Japan's responses to Chinese military emergence in the Asia Pacific // Asian j. of comparative politics – Niigata, 2016 – Vol. 1. – P. 1–16.

Ключевые слова: Китай; Япония; военное присутствие; инциденты на островах Сенкаку; стратегия национальной безопасности; интеграция по вопросам безопасности; законодательство в сфере безопасности.

В рамках настоящей статьи Томохито Синода (Международный университет Японии, префектура Ниигата) оценивает, как наращивание

потенциала военно-морского флота Китая сказывается на уровне влияния КНР в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях и, соответственно, на динамике японо-китайского геополитического противостояния в регионе. Раскрывая специфику новой морской стратегии Китая, Т. Синода цитирует заместителя командующего ВМС КНР в Восточно-Китайском море адмирала Чен Хуачена, заявившего в интервью государственному информационному агентству «Синьхуа»: «Со сменой стратегии мы намерены перейти от береговой обороны к обороне дальнего моря. С расширением экономических интересов страны флот намерен лучше защищать транспортные маршруты государства и безопасность нашего главного морского пути» [с. 1].

Анализируя реакцию Японии на «морскую экспансию» КНР, автор рассматривает инциденты на островах Сенкаку¹ в 2010–2012 гг. и соответствующие действия, предпринятые сначала правительством Демократической партии Японии (ДПЯ), а затем уже правительством Либерально-демократической партии Японии (ЛДПЯ), пришедшей к власти в 2012 г. во главе с премьер-министром Синдзо Абэ. Также в статье описывается принятая по инициативе премьер-министра С. Абэ в декабре 2013 г. первая Стратегия национальной безопасности Японии.

Со ссылкой на Элизабет С. Эконом² – директора азиатских исследований в Совете по международным отношениям США, Т. Синода отмечает, что КНР в стремлении изменить статус-кво в западной части Тихого океана пытается подорвать сложившиеся к настоящему времени

---

¹ Острова Сенкаку сёто (в китайской картографии — Дяоюйтай цюньдао) включают пять необитаемых островов и три рифа общей площадью около 6,32 кв. км, расположенных в южной части Восточно-Китайского моря в 175 км к северу от о. Исигаки (архипелаг Рюкю, Япония). Они расположены в районе с координатами 25°46 северной широты и 123°31 восточной долготы, т.е. в 190 км к северо-востоку от о. Тайвань и в 420 км к востоку от материкового Китая. В настоящий момент острова Сенкаку / Дяоюйдао находятся под юрисдикцией Японии, но свои права на них предъявляет и КНР. – *Прим. реф.*

² Economy E. (2010) The game changer: Coping with China's foreign policy revolution // *Foreign affairs*. – 2010. – Vol. 89, N 6. – P. 142–152.

глобальные нормы и институты. Стремительное наращивание военной мощи Поднебесной нарушает и, скорее всего, продолжит нарушать стратегический баланс сил в АТР. Автор даже не исключает, что участие КНР в территориальных спорах, касающихся островов в Южном и Восточно-Китайском морях, может перейти в вооруженные столкновения [с. 1].

Т. Синода обращает внимание на то, что в Японии была опубликована масса научных работ, содержащих адресованные официальному Токио рекомендации по выстраиванию политики в АТР в контексте усиления Китая. *Нарусиге Мичисита* из Высшей школы политических наук национального университета Токио и Ричард Дж. Сэмюэлс из Массачусетского технологического института ¹ распределили авторов соответствующих трудов по четырем идеологическим направлениям [с. 2]:

1) «популисты» (bandwagoners) – ратующие за поддержание регионального доминирования Китая при одновременном укреплении японо-китайских отношений;

2) «балансировщики» (balancers) – призывающие к усилению взаимодействия между США и Японией в сфере безопасности в противовес нарастанию военной мощи Китая;

3) «перестраховщики» (self-hedgers) – японские националисты, ориентирующиеся на автономию в вопросах национальной безопасности;

4) «двойные хеджеры» (dual hedgers) – рассчитывающие, что полная социально-экономическая интеграция США, Японии и Китая сведет на нет вероятность конфликта в АТР.

В первой части статьи «Правительство Демократической партии Японии и инциденты на островах Сенкаку» автор констатирует тот факт, что приход к власти ДПЯ в 2009 г. ознаменовал постепенное улучшение китайско-японских двусторонних отношений. В предвыборном манифесте

---

¹ Michishita N., Samuels R. (2012) Hugging and hedging // Worldviews of aspiring powers / Ed. by H. Nau, D. Ollapally. – Oxford: Oxford univ. press, 2012.– P. 146–180.

ДПЯ 2009 г. содержалось обязательство выстроить равноправный союз с Соединенными Штатами и приложить максимальные усилия для развития более тесных отношений с азиатскими соседями. Такого рода обещания в полной мере вписываются «двойного хеджирования». Однако изначально избранный ДПЯ курс полностью сменился в сентябре 2010 г., когда произошел первый инцидент, связанный с островами Сенкаку [с. 3].

Спор о принадлежности островов Сенкаку ведется между КНР и Японией с 1970-х гг. Эта проблема приобрела особую актуальность с вступлением в силу Конвенции о морском праве (1994). Ситуация обострилась после того, как в 1999 г. в шельфе спорных островов были обнаружены богатые запасы природного газа, оцениваемые приблизительно в 200 млрд кубометров. В мае 1999 г. в японской прессе появились сообщения, что китайские суда ведут геологическую разведку на шельфе островов Сенкаку в эксклюзивной экономической зоне Японии. Токио предложил Пекину провести совместные консультации по проблеме морского права в его приложении к богатствам спорных островов, но Пекин ответил отказом, заявив к тому же о непризнании района островов экономической зоной Японии.

Первый инцидент, связанный с островами Сенкаку, при правительстве ДПЯ произошел 7 сентября 2010 г. Китайское рыболовецкое судно с 14 членами экипажа на борту и капитаном было задержано кораблями японской береговой охраны после столкновения с одним из них. Судно было отбуксировано в порт японского острова Исигаки (префектура Окинава). Его капитан Чжан Цисюн был арестован по подозрению в препятствовании деятельности японской береговой охраны [с. 4]. Т. Синода отмечает, что при премьер-министре Наото Кане японское правительство впервые дало решительный ответ на подобные действия китайской стороны, ориентируясь при этом на собственное национальное законодательство. До этого момента китайские граждане, задерживавшиеся японской службой безопасности на море у спорных островов Сенкаку, просто депортировались на родину.

Официальный Пекин незамедлительно отреагировал на помещение под стражу капитана рыболовецкого траулера и потребовал «немедленного и безусловного» освобождения своего гражданина. МИД КНР заявил, что Япония должна предоставить Китаю извинения и компенсацию за этот инцидент. После отказа Токио китайское правительство приостановило дипломатическое взаимодействие с Японией на уровне кабинета министров, а также отозвало приглашение тысячи японских студентов и школьников принять участие в Шанхайской выставке. Также китайские власти задержали четырех японских граждан за незаконную видеосъемку военных объектов. В момент задержания японцы, представлявшие строительный концерн «Фудзита», находились в районе строительства предприятия для утилизации оставленного во время Второй мировой войны японской императорской армией химического оружия. По всему Китаю прокатились акции протеста у японских консульств и культурных центров. Это массированное давление привело к тому, что 24 сентября прокуратура Японии постановила освободить капитана китайского траулера [с. 4].

С точки зрения автора: «Этот инцидент выявил малую способность правительства ДПЯ справляться с дипломатическими кризисами. Главный секретарь Кабинета министров Иосито Сэнгоку провел две встречи по инциденту с островами Сенкаку, но никакой официальной рабочей группы (которую бы обязательно организовало правительство ЛДПЯ) сформировано не было. Неспособность ДПЯ использовать опыт госструктур в этом вопросе способствовала беспорядкам в стране» [с. 4]. Инцидент 2010 г. привел к заметному охлаждению японо-китайских отношений: восприятие действий КНР в качестве угрозы безопасности утвердилось в Японии, как на официальном, так и на общественном уровне.

К очередному обострению конфликта привело решение о национализации островов Сэнкаку, принятое правительством Японии 11 сентября 2012 г. До этого момента правительство Японии арендовало данные острова, причем, согласно условиям договора, обычным японским гражданам

было запрещено туда ездить и высаживаться без особого разрешения, чтобы не обострять отношения с Китаем. Теперь же с частными владельцами, гражданами Японии, был подписан контракт о покупке трех островов – Уоцури, Китако и Минамико – за 2,5 млрд йен (около 26 млн долл.). Т. Синода пишет, что официальный Пекин расценил торговлю «священной китайской землей» как неприемлемый акт. Не менее негативно объявление о покупке было воспринято китайской общественностью: 15 сентября многие приняли участие в маршах протеста, где звучали призывы к бойкоту японских товаров. В некоторых городах демонстрации вышли из-под контроля и переросли в банальный вандализм [с. 5]. На фоне модернизации своего военного потенциала КНР использовала тактику ответного ужесточения своей позиции, заключающуюся в значительном увеличении активности в районе спорных островов для того, чтобы не допустить одностороннего контроля Японии над ними и создать новый статус-кво, предполагающий конкурирующее присутствие на данной территории. Так если с мая по август 2012 г. было зафиксировано лишь два случая вторжения китайских судов в акваторию островов Сенкаку, то с сентября по декабрь того же года было совершено уже 20 вторжений [с. 6].

«Два инцидента у островов Сенкаку, – констатирует Т. Синода, – ухудшили японо-китайские отношения и обернулись более агрессивной политикой КНР в Восточно-Китайском море» [с. 6].

Во второй части статьи «Ответ второго правительства Абэ» рассматривается политика ЛДПЯ по вопросу японо-китайского взаимодействия. Вновь заняв пост премьера, лидер партии г-н Абэ¹ заявил о «решительной перестройке», намерении укрепить японо-американский альянс и «принять все возможные меры для обеспечения надлежащего развития и управления отдаленными пограничными островами, а также

---

¹ Первый срок С. Абэ на посту премьер-министра длился с 2006 по 2007 гг. – *Прим. реф.*

укрепления их безопасности». По мнению Т. Синода, данное заявление Абэ позволяет отнести его группе «балансировщиков» в терминах Мичисита-Сэмюэlsa [с. 7].

Далее автор обращается к анализу текста первой Стратегии национальной безопасности Японии от 2013 г., заменившей Основную курс в области обороны от 1957 г. Согласно утвержденному правительством С. Абэ и Советом безопасности Японии документу, основной угрозой для страны являются попытки Китая «силой изменить статус-кво в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях, а также в других регионах». Предполагается, что противостоять этой угрозе Япония сможет благодаря военно-технической кооперации с другими странами. В документе подчеркивается, что японо-американский союз является краеугольным камнем безопасности Японии. В качестве важных стратегических партнеров, помимо США, выделяются Южная Корея, Австралия, Индия и страны АСЕАН. Стратегия 2013 г. призывает к укреплению оборонного комплекса и ускорению технологического развития в целях повышения международной конкурентоспособности государства [с. 8].

Т. Синода обращает внимание читателя на то, что в рамках работы по имплементации данной Стратегии правительство Японии отказалось от правил военного экспорта, действовавших с 1967 г. и фактически запрещавших любые поставки оборонной продукции на внешние рынки¹. 1 апреля 2014 г. был принят новый закон, регламентирующий военно-техническое сотрудничество Японии с другими странами. Он позволил Токио значительно увеличить приток средств за счет участия в

---

¹ Действовавшее в Японии экспортное законодательство носило общее название «трех запретов военного экспорта». Токио было запрещено поставлять вооружения и военную технику странам с коммунистическими режимами, государствам, участвующим в международных военных конфликтах, и странам, в отношении которых действуют санкции ООН. Фактически же с 1967 г. японским предприятиям оборонно-промышленного комплекса полностью запрещалось экспортировать военную продукцию. –

Прим. реф.

международных научно-исследовательских и опытно-конструкторских работах. К началу 2015 г. Япония заключила соглашения о торговле оружием с США, Великобританией, Францией и Австралией и начала переговоры с некоторыми странами АСЕАН [с. 8].

Автор признает, что на протяжении более чем полувека США играли роль важнейшего внешнего балансира в Азии и оставались единственным военным союзником Японии. На фоне подъема Китая, официальный Токио потребовал от Вашингтона новых подтверждений гарантий своей безопасности. Таким образом, для достижения поставленной С. Абэ цели укрепить безопасность Японии в 2014 г. был пересмотрен один из ключевых документов, регулирующих японо-американский союз – «Руководящие принципы японо-американского сотрудничества в области обороны». [с. 9–11]. За полтора года правительства двух стран разработали новые руководящие принципы, акцентирующие следующие аспекты сотрудничества: 1) непрерывные, надежные, гибкие и эффективные двусторонние отношения; 2) взаимодействие в рамках политики национальной безопасности двух государств; 3) сотрудничество с региональными и иными партнерами, а также международными организациями; и 4) всеобъемлющий характер японо-американского альянса [с. 12]. Вашингтон и Токио впервые отказались от географической привязки к Восточной Азии, распространяя действие соглашения на гипотетические ситуации, когда под вражескую атаку могут попасть США или «третьи страны» [с. 13]. В дополнение к подтверждению Вашингтоном гарантий в виде «ядерного зонтика», важное место в соглашении было уделено ПРО. В частности, зафиксирована договоренность об укреплении сдерживающего потенциала в случае атаки баллистических ракет, а также военных вторжений ВВС других стран, что не исключает возможность перехвата в том числе и средств ВВС других государств, в частности, Китая. Вашингтон попытался плотнее привязать Токио в военной сфере, наделив Японию полномочиями проводить более активную линию в региональных и

глобальных делах, вместе с тем, не предоставляя ей излишней самостоятельности в такой деятельности. Указанная корректировка «руководящих принципов» оборонного сотрудничества стала возможной после внесения изменений в Конституцию Японии относительно осуществления права на коллективную самооборону.

В заключение автор констатирует, что усилия ЛДПЯ по укреплению структуры национальной самообороны были обусловлены изменениями баланса сил в регионе АТР. Выработанная С. Абэ доктрина «проактивного пацифизма» означала решительную трансформацию политики Японии в области безопасности, и была связана, в первую очередь, с подъемом Китая и стремлением Токио противодействовать военной угрозе со стороны Пекина. При этом содержательное наполнение этой доктрины, по мнению Т. Синода, соответствует стратегии «балансировщиков» в терминах Мичисита-Сэмюэlsa [с. 14].

Г.А. Джиганишин

ЛИНЬ Ш. СОЦИАЛЬНЫЕ ИЗДЕРЖКИ БОЛЬШОЙ СТРАТЕГИИ В ЭРУ ТРАМПА.

LIN SH. The public cost of grand strategy in the Trump era // World affairs institute. – Wash., 2016. – Vol. 179, N 3. – P. 4–23.

Ключевые слова: глобальное лидерство; общественное мнение; США; Россия; Китай; война в Ираке.

В рамках настоящей статьи Шаохань Линь (Университет штата Огайо, США), сопоставив специфику видения Дональдом Трампом «большой стратегии» Соединенных Штатов и готовность американского общества платить за мировую гегемонию, оценивает шансы претворения в жизнь изоляционистской модели, предлагавшейся 45-м президентом США в ходе его избирательной кампании. Автор указывает, что стремление к лидерству или первенству (“primacy”) было присуще «стране возможностей» на

протяжении всей ее истории. В период после окончания холодной войны США также стремились к упрочению своего положения единственной сверхдержавы. На сегодняшний день, вызов американскому могуществу бросает Китай, претендующий на роль нового мирового лидера. Однако, по мнению автора, куда более значимым является вопрос о готовности самих США и дальше бороться за мировую гегемонию [с. 5].

В первой части статьи Шаохань Линь анализирует отношение простых американцев к ключевым аспектам внешней политики США: взаимодействию с РФ и КНР, борьбе с террористической организацией «Исламское государство» (ИГ). Именно отсутствие общественной поддержки грозит стать серьезным препятствием для продолжения политики глобального лидерства. Подкрепляя этот тезис, автор ссылается, на результаты опросов общественного мнения. Так, например, согласно исследованию, проведенному Pew Research Center¹ в 2016 г., 57% американцев выступают за то, чтобы правительство сосредоточилось на внутренних проблемах. Хотя среди республиканцев доля сторонников идеи о необходимости более жесткого курса во внешней политике (предполагающего, подход к КНР как к военной угрозе, поставки оружия на Украину и проведение наземных операций против ИГ) больше, чем среди сторонников других партий, в их среде также преобладают изоляционистские настроения. Таким образом, американское общество, в целом, поддерживает программу Трампа, которую Ш. Линь описывает как сочетание национализма и изоляционизма. С точки зрения автора это объясняется нежеланием граждан США платить за политику, выгоды которой неочевидны [с. 6].

Отметим, что в статье неоднократно подчеркивается, что ни Трамп, ни американская общественность не воспринимают Китай как военную угрозу,

---

¹ Pew Research Center. 2016. Opinions on U.S. international involvement, free trade, ISIS and Syria, Russia and China. – Mode of access: <http://www.people-press.org/2016/10/27/as-election-nears-voters-divided-over-democracy-and-respect/>. [Accessed: 17.10.2018.]

способную вытеснить США из Восточной Азии. Китай воспринимается, в первую очередь, как экономический конкурент. Даже среди республиканцев, в большей степени озабоченных наблюдаемым нарастанием военного потенциала КНР, сторонники силового вмешательства в случае его конфликта с Тайванем (Китайская Республика) или Японией находятся в меньшинстве.

По опросам Pew Research Center 2015 г., поставки оружия на Украину поддерживали 40% американцев, ужесточение санкций против России – 60%¹. Однако, по мнению автора, это нельзя расценивать как свидетельство готовности значительной части населения США поддержать вмешательство в события на Украине. А значит, сторонники более агрессивного курса не смогут повлиять на позицию Трампа, который, как утверждает Ш. Линь, готов признать за Россией собственную сферу влияния [с.7].

При этом Трамп в полной мере солидарен с американским обществом, выступая за борьбу против ИГ. Тем самым, в идеологическом смысле Трамп проявляет себя последователем американского «народного национализма», больше известного как джексоновская демократия, названная так в честь Эндрю Джексона «президента фронта» начала девятнадцатого века. Фундаментальное убеждение джексонианцев состоит в том, что Соединённые Штаты должны сконцентрироваться исключительно на реальных американских национальных интересах. Говоря другими словами, американские внешнеполитические инициативы должны сводиться к продвижению интересов Соединённых Штатов при исключении всех прочих отвлекающих или конкурирующих императивов. Во внешней политике это выражается в равнодушии к продвижению мирового порядка, но готовности при ощущении угрозы стране дать отпор всеми доступными средствами. Отметим, однако, что идея наземных операций против ИГ пользуется в

---

¹ Pew Research Center. 2015. Increased public support for the U.S. arming Ukraine: More still oppose than favor the U.S. sending arms to Kiev. – Mode of access: <http://www.people-press.org/2015/02/23/increased-public-support-for-the-u-s-arming-ukraine/>. [Accessed: 17.10.2018.]

американском обществе ограниченной поддержкой¹. Большинство считает наиболее эффективной тактику специальных операций с опорой на местные вооруженные формирования при поддержке со стороны спецподразделений и ВВС США².

Соответствуя устремлениям американского общества, предвыборная риторика Трампа, не отвечает устремлениям американской элиты, где преобладают сторонники глобального лидерства США. Шаохань Линь обращает внимание читателя на раскол среди республиканцев, подчеркивая, что некоторые влиятельные представители Grand Old Party (из числа апологетов глобальной американской мощи), например, неоконсерватор Роберт Каган недвусмысленно заявили о своей поддержке внешнеполитического курса, предложенного Хиллари Клинтон. Таким образом, сопротивление «глубинного государства» (deep state, этого самого «вашингтонского болота», которое Трамп намеревался осушить) и политического истеблишмента может оказаться достаточно организованным и последовательным, а собственных усилий Трампа будет недостаточно для реальной смены курса во внешней политике.

Во второй части статьи Шаохань Линь описывает ключевые элементы американской политики глобального лидерства.

С одной стороны, она носит экспансионистский характер. Экспансионизм проявляется в том, что глобальная политика США направлена на защиту их сфер влияния и на обеспечение американского

---

¹ Chicago Council on Global Affairs (CCGA). 2016. Americans support limited military action in Syria against ISIS. August 15. – Mode of access: <https://www.thechicagocouncil.org/publication/americans-support-limited-military-action-syria-against-isis>. [Accessed: 17.10.2018.]

² Chicago Council on Global Affairs (CCGA). 2015. America divided: Political partisanship and US foreign policy.” Chicago: The Chicago Council on Global Affairs. September 15. – Mode of access: <https://www.thechicagocouncil.org/publication/america-divided-political-partisanship-and-us-foreign-policy>. [Accessed: 17.10.2018.]

присутствия по всему миру. При этом, американский экспансионизм осуществляется с помощью как «жесткой», так и «мягкой силы» [с. 10].

Другой значимой составляющей политики глобального лидерства является борьба за идеалы либеральной демократии. Автор называет политику продвижения либеральной идеологии по всему миру «вильсоновской» – именно В. Вильсон выдвинул на Версальской конференции принципы мироустройства, соответствующие либеральной парадигме. Отражение этих идей Шаохань Линь находит и в работах современных неоконсерваторов, в частности, статьях Ирвинга Кристола – журналиста, писателя и одного из основателей неоконсервативного движения в США¹. Согласно убеждениям неоконсерваторов, США имеют право на распространение либеральной демократии. Они должны менять режимы в «недемократических» странах или подвергать их остракизму, но не сотрудничать с ними. Эта позиция составляет идеологическую основу политики глобального лидерства США.

В третьей части статьи оценивается степень влияния общественного мнения на внешнюю политику США.

Тема неготовности простых американцев оплачивать глобальное лидерство своей страны на международной арене заметно актуализировалась в период президентства Дж. Буша-младшего.

Несмотря на то, что администрации Белого дома первоначально удалось связать в представлении общественности войну в Ираке с борьбой против международного терроризма, автор указывает, что, в действительности, это была война за распространение американского влияния и американских ценностей. Противостояние с Ираком имело место и при двух предыдущих президентах, но именно Дж. Буш-мл. осуществил военное вторжение. При нем использование «жесткой силы» было возведено

---

¹ Kristol I. The Neoconservative persuasion // The Weekly Standard. – 2017. – August 25. – Mode of access: <http://www.weeklystandard.com/the-neoconservative-persuasion/article/4246>. [Accessed: 17.10.2018.]

в абсолют. На важнейшие позиции в администрации были назначены «ястребы» (в частности, Ричард Чейни и Дональд Рамсфельд), в руководство страной вошли бывшие сотрудники компаний ВПК. Таким образом, объем ресурсов, выделяемых на военные цели, значительно увеличился, хотя угроза глобального терроризма, которой была мотивирована эта политика, не требовала такой милитаризации [с. 12].

Еще одной особенностью политики Буша, названной автором «имперской», стал отказ от взаимодействия с международным сообществом – стратегия односторонних действий. Кульминацией этой политики явилась война в Ираке, не получившая поддержки в НАТО. Ш. Линь критикует такого рода подход, ссылаясь на либеральных исследователей¹, сторонников взаимодействия с международным сообществом и использования «мягкой силы».

Барак Обама, несмотря на свою предвыборную риторику, в целом, действовал в логике администрации Дж. Буша-мл. США продолжили активное проведение силовых операций и вмешательство во внутренние дела других стран, лишь сместив акценты: с наземных операций на бомбардировки, с Ирака на Афганистан, Ливию, Сирию, борьбу с ИГ. Хотя администрации Обамы удалось восстановить взаимодействие с НАТО, она не смогла добиться ратификации важнейших соглашений, которые означали бы возвращение США к полноценному взаимодействию с международным сообществом [с.13].

Уязвимость подобной политики, по мнению автора, заключается в отсутствии поддержки в обществе. Американцы не готовы вести войну, которая может затронуть непосредственно их самих. В результате, даже если

---

¹ Ikenberry G. J. Power and liberal order: America's postwar world order in transition // International relations of the Asia-Pacific – 2005. – Vol. 5, N 2. – P. 133–152. – Mode of access: <https://academic.oup.com/irap/article/5/2/133/2357368/Power-and-liberal-order-America-s-postwar-world>. [Accessed: 17.10.2018.] 7

в начале войны имеет место всплеск патриотизма, он достаточно быстро сменяется разочарованием.

Ш. Линь приводит данные исследования Б. Джентлсона и Р. Бриттон, согласно которому, отношение граждан к войне зависит от ее цели¹. Так, американцы поддерживают интервенции, носящие гуманитарный характер, а также войны, направленные на отражение агрессии. В то же время, они негативно относятся к войнам, целью которых является смена режима. Таким образом, войны в Афганистане и в Ираке, со временем, потеряли поддержку в обществе. Одобрение политики Дж. Буша-мл. в начале войны в Ираке и Б. Обамы в начале его президентства связано как раз с тем, что они смогли «взять войну под контроль» (handle). При этом, автор утверждает, что США не достигли поставленных целей: иракская демократия слаба, страна коррумпирована, на ее территории действует ИГ. И хотя отсутствие поддержки в обществе не помешало вести войну в течение восьми лет, оно, утверждает Ш. Линь, стало одной из главных причин неудачи в Ираке [с.15-16].

В настоящее время, указывается в статье, администрация Трампа столкнулась с необходимостью сдержать усиление России и Китая, как государств, ставящих под сомнение единоличное американское лидерство. По мнению автора, РА и КНР нарушают либеральные принципы, установленные и поддерживаемые США, и столкновение России и Китая с США неминуемо. Чтобы добиться успеха, США должны продемонстрировать готовность бороться до конца. Однако даже обвинение России и Китая в агрессии в своих сферах влияния будет недостаточным. Американское общество устало от войны, и тем более оно не готово к столкновению с ведущими военными державами – Россией и Китаем. Для мобилизации общества, указывает Ш. Линь, необходима угроза самим США.

---

¹ Jentleson B., Britton R. Still pretty prudent: Post-cold war American public opinion on the use of military force // J. of conflict resolution. – 1998. – Vol. 42, N 4. – P. 395–417. – Mode of access: <http://jcr.sagepub.com/content/42/4/395.short>. [Accessed: 17.10.2018.]

В четвертой части статьи автор подводит итоги и делает прогноз на будущее. Он подчеркивает, что на внешнем фронте США ведут борьбу с Россией и Китаем, подвергающими сомнению американское лидерство, а на внутреннем фронте – с собственными гражданами, не желающими платить за гегемонию. В связи с этим, возможны два варианта дальнейшего развития событий:

1. Если американские политические элиты так и не смогут убедить население в необходимости борьбы за лидерство и в том, что Россия и Китай представляют угрозу, США ограничатся полумерами, им придется отступить и, по сути, перейти к изоляционизму. По мнению Ш. Линя, Дональд Трамп считает такой сценарий предпочтительным.
2. Если политические элиты США смогут добиться общественной поддержки политики глобального лидерства, то у США появится больше возможностей. Но это произойдет лишь в том случае, когда Россия или Китай совершат ошибку – поведут себя слишком агрессивно, например, в отношении союзника США. При этом, автор призывает американскую администрацию воздержаться от применения военной силы против России и КНР – ядерных держав. Наиболее эффективным он полагает использование «мягкой силы».

Ш. Линь отмечает, что общественное мнение играет важную роль не только в США, но и в странах-соперниках. Соответственно, по его мнению, США должны найти баланс между жесткой политикой и готовностью идти на компромисс, чтобы уже в конкурирующих государствах необходимость противостояния была поставлена под вопрос общественным мнением.

Ф.Н. Лапшин

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

РОДРИГЕС А. ЦВЕТНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ: ОПИСАНИЕ СТРАТЕГИЙ ДЕЙСТВИЙ УСПЕШНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ДВИЖЕНИЙ.

RODRÍGUEZ A.: Las revoluciones de colores: una descripción de las estrategias de acción implementadas por los movimientos sociales exitosos // Revista Española de Ciencia Política (RECP). – 2011. – N. 26. – P. 127–146.

Ключевые слова: цветные революции; социальные движения; успех; стратегии действий; ненасильственное сопротивление; информационные кампании.

В настоящей статье рассматриваются стратегии действий оппозиционных общественно-политических движений, возникших на евроазиатском пространстве в период между 2000 и 2005 годами и стоявших у истоков «цветных революций» в своих странах. Эксперт Университета Саламанки Анхелика Родригес сопоставляет «истории успеха» таких организаций, как: «ОТПОР» (сербск. «Сопротивление») в Сербии, «Кмара» (груз. «Хватит») в Грузии, «Пора!» на Украине, и «Кел-Кел» (кирг. «Возрождение») в Киргизии. «Цветные революции» автор определяет как «протесты против авторитарных и полуавторитарных режимов, возглавляемые общественно-политическими движениями (преимущественно, молодежными), которые действуют методами ненасильственного сопротивления и нацелены на установление демократического режима либеральной модели и национальное освобождение» [с. 127]. Отмечая, что все «цветные революции», так или иначе, связаны с процессом выборов и сообщениями о фальсификации последних, А. Родригес указывает на допустимость использования термина «электоральные революции» в качестве синонимичного. Автор также делает оговорку, что не все

социальные¹ движения такого типа были успешны (в Азербайджане, Белоруссии и Узбекистане, например, они были подавлены правительством).

В работе приводится краткий обзор методологии исследования социальных движений. Отмечается, что до середины XIX в. подобного рода движения полагались случайными и не подвергались системному научному анализу. На протяжении длительного периода времени марксизм оставался единственной теоретической рамкой рассмотрения социальных движений, однако, он сводил их к борьбе пролетариата за освобождение [с. 128]. Существенный вклад в раскрытие данной темы внес родоначальник теории социального действия М. Вебер, предложивший разграничивать харизматический (присущий социальным движениям) и рационально-легальный (характерный для бюрократических государственных структур) типы лидерства. Таким образом, в науке утвердилось представление об общественно-политических движениях, как о добровольных объединениях людей, защищающих групповые интересы, не входящих в состав государственных институтов и не имеющих жесткого иерархического строения, в отличие от партий. В рамках западной традиции, обычно выделяется три основные парадигмы исследования социальных движений, сформировавшиеся в период с 1960-1970-х гг.:

- *парадигма коллективного поведения* (Н. Смелзер), объясняющая социальные движения в терминах структурного благоприятствования, структурного напряжения, распространения обобщенных убеждений, иницирующих факторов, эффективности или неэффективности социального контроля;

- *парадигма мобилизации ресурсов* (Ч. Тилли), сместившая ракурс рассмотрения проблемы с уровня психологии индивида на уровень социальных структур. Сторонники этого подхода, пытаясь преодолеть

---

¹ Здесь и далее понятия «социальные движения» и «общественно-политические движения» употребляются как взаимозаменяемые варианты перевода авторского термина «los movimientos sociales». – *Прим. реф.*

ограниченность теорий коллективного повеления, утверждают, что социальные движения должны рассматриваться как продолжение институционализированного политического поведения;

- *парадигма «новых социальных движений»* (Ю. Хабермас, М. Кастельс) – изучение социальных движений в контексте более широких теорий социальных изменений [с. 129].

Отслеживая эволюцию теории социальных движений, автор приводит сводную таблицу, отражающую принципиальные различия в интерпретации и научном понимании общественно-политических движений до и после 1970-х годов [с. 131]. Подчеркивается тот факт, что в конце «семидесятых» общественно-политические движения стали восприниматься как своеобразные системы действий (*sistemas de acción*). Им было дано определение, охватывающее целый комплекс параметров: солидарность (способность объединяться на основе коллективной идентичности), конфликтогенность (готовность вступить в борьбу за определенные ресурсы), уровень внесистемности (допустимость выхода за границы традиционных ресурсов разрешения конфликтов) [с. 132]. Условно, работы, посвященные исследованию социальных движений, можно разбить на три группы: раскрывающие специфику мобилизации ресурсов (организационный аспект); определяющие структурные ограничения и возможности движений в рамках наличного политического процесса, описывающие идейные основы общественно-политических движений.

С точки зрения А. Родригес, общественно-политические движения, возникшие на евроазиатском пространстве в первые годы XXI в., можно назвать своеобразными двигателями перехода от авторитаризма к демократии [стр. 137].

В следующей части статьи автор подробно описывает взаимодействие этих движений с Западом, а также специфику проведения ими информационных кампаний и мониторинга выборов [с. 138]. Указывается, что сотрудничество с западными акторами (правительствами США и

европейских стран, некоммерческими организациями) осуществлялось в части передачи ресурсов, опыта, информации, а также в рамках образовательных программ. Социальным движениям на постсоветском пространстве значительную помощь оказали активисты протестных движений из стран бывшего соцлагеря, обладавшие опытом участия в «бархатных революциях». Однако по мнению автора, усилия зарубежных НКО были направлены не на свержение власти в стране, а на содействие организациям, разделяющим идеи распространения демократии и построения сильного гражданского общества [с. 138].

Волна «бархатных» революций, свергнувшая постсоветские режимы в Грузии, на Украине и в Киргизии, началась с бывшей Югославии. «Цветные» революции были проведены именно по сербскому сценарию и при непосредственном участии консультантов из сербского движения «ОТПОР».

Движение «ОТПОР» было создано в 1998 г., для противостояния режиму С. Милошевича на основе разработанной Джином Шарпом модели ненасильственного сопротивления. Применение этой модели, с точки зрения А. Родригес, и обеспечило успех активистам протестных выступлений. В движение вошли представители различных студенческих групп, уже участвовавших в беспорядках 1996–1997 гг. Финансирование организации и консультирование активистов обеспечивали такие фонды, как «Национальный фонд в поддержку демократии» (National Endowment for Democracy, NED), Институт «Открытое общество» (Фонд Сороса), «Международная Амнистия» и др. Впоследствии активисты «ОТПОР» обучали участников аналогичных организаций по всему миру. Автор сообщает, что затраты правительства США на формирование таких организаций оцениваются в 41 млн долл. США¹ [с. 139].

Молодежное движение «Кмара», сыгравшее значимую роль в грузинской «революции роз» и свержении Э. Шеварднадзе, было создано в 2003 г., по итогам поездки 20 молодых оппозиционеров в Белград для

---

¹ По данным на 2007 г. – *Прим. реф.*

прохождения обучения у лидеров «ОТПОР». Достаточно быстро численность активистов движения возросла до 300 человек. Агентство США по международному развитию (United States Agency for International Development, USAID), Фонд Сороса, Национальный демократический институт международных отношений (National Democratic Institute for International Affairs, NDI) и ряд других американских НКО потратили на компьютеризацию выборов в Грузии 1,5 млн долл. США и обеспечили обучение наблюдателей. Фонд Сороса также напрямую финансировал кампанию М. Саакашвили. Госсекретарь США Дж. Бейкера угрожал правительству Грузии «принять меры», если оно не обеспечит свободу и прозрачность выборов» [с. 139].

Украинское политическое движение «Пора!» было создано накануне президентских выборов в марте 2004 г. Основной целью организации являлась поддержка оппозиции и в то же время борьба против власти в лице президента Л. Кучмы и премьера В. Януковича. На официальном сайте движения его «вдохновителями, партнерами и советниками» названы сербский «ОТПОР» и грузинская «Кмара». Первые 14 активистов «Пора!» обучались в Центре ненасильственного сопротивления в Белграде и, впоследствии, организовывали летние школы для молодежи на Украине. Институт «Открытое общество» и созданный при его поддержке Международный фонд «Возрождение» (International Renaissance Foundation) проводили обучение наблюдателей, оценивали прозрачность выборов и выделили 1,3 млн долл. США на украинские НКО, осуществлявшие соответствующую деятельность. В докладе Джеймстаунского фонда (Jamestown Foundation), говорится: «“ОТПОР” обучал членов “Пора” в рамках программы “Участие граждан в выборах на Украине”; эта программа организована “Фридом-Хаус” (Freedom House), Национальным демократическим институтом международных отношений и Международным республиканским институтом, а оплачивается она Агентством США по международному развитию» [с. 140].

Принявшее активное участие в «революции тюльпанов» киргизское радикально-демократическое молодёжное движение «Кел-Кел» было создано в 2004 г. на основе опыта «ОТПОР», «Кмара» и «Пора!». По мнению автора, история развития данного объединения является еще одним подтверждением правомерности вывода исследователя общественных движений Марка Р. Бейсингера о том, что каждая новая успешная демократическая революция интегрирует опыт предыдущих. Основными ингредиентами успешного «революционного коктейля» М. Бейсингер считает: 1) обвинение властей в фальсификации выборов; 2) наличие внешней поддержки; 3) опору на студенческую молодежь, а также использование методов и технологий ненасильственного сопротивления; 4) единство оппозиции; 5) внешнее дипломатическое давление и необычайно активный мониторинг выборов; 6) ускоренную мобилизацию после объявлений о фальсификации выборов [с. 140–142].

Сообщения о фальсификации выборов и тщательная предварительная информационная обработка подталкивают население к мобилизации. Ненасильственная тактика борьбы дискредитирует репрессивную деятельность государства и усиливает симпатии к протестующим [с. 143]. А. Родригес утверждает, что «ненасильственное сопротивление не защитит от репрессивных действий государства, но полностью делегитимизирует последние в глазах общественности» [с. 143]. В качестве основных стратегий успешных протестных движений, использующих технологии ненасильственной борьбы, автор выделяет: установление связей с различными НКО и государственными структурами на Западе; проведение собственных информационно-разъяснительных кампаний перед выборами; мониторинг выборного процесса; объявление выборов сфальсифицированными с последующей протестной мобилизацией сочувствующих движению масс.

В завершение А. Родригес, перефразируя Дж. Шарпа, отмечает, что в ходе обмена аргументами и взаимного торга разрешаются лишь

незначительные межличностные и межгрупповые конфликты. В пространстве же крупномасштабных политических и культурных конфликтов, в которые, в частности, вылились описанные выше «цветные революции», никакого диалога протестующих с властью предрержащими быть не может [с. 145–146].

М.Ю. Еремин

РЕЙНСФОРД Э. ИЗУЧЕНИЕ МОЛОДЕЖНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО АКТИВИЗМА В ВЕЛИКОБРИТАНИИ: ЧТО ДЕЛАЕТ МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ ПОЛИТИЧЕСКИ АКТИВНЫМИ В РАЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ?¹

RAINSFORD E. Exploring youth political activism in the United Kingdom: What makes young people politically active in different organisations? // The British j. of politics a. international relations. – Oxford, 2017. – Sept. 8. – P. 1–17.

Ключевые слова: модель гражданского волонтаризма; демонстрации; политическое участие; молодежные фракции политических партий; молодежные парламенты; политическая активность молодежи.

В своей статье Эмили Рейнсфорд (Школа географии, политики и социологии, Ньюкаслский университет, Великобритания) отмечает две ярко выраженные тенденции политической активности современной молодежи. В соответствии с первой, молодые люди меньше вовлечены в «формальную политику» (formal politics), закрепленную законодательно. Вторая тенденция иллюстрирует усиление у молодежи интереса к «неформальной политике» (informal politics), под которой подразумеваются всевозможные бойкоты и демонстрации.

По словам Э. Рейнсфорд, это обусловлено тем, что у современной молодежи сложилось превратное представление о формальной политике; в

---

¹ Сокращенная версия данного реферата была опубликована в издании Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11.: РЖ / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. – М., 2017. – № 3. – С. 194–199.

результате, она отдаляется от этой сферы¹. Отчужденность от политики в будущем может иметь негативные последствия. В подобных условиях, по мнению автора, важно понять, в каком типе организации принимают участие молодые активисты. В своей статье Э. Рейнсфорд отвечает на вопрос, где именно реализуется политическая активность молодежи и какие факторы влияют на ее выбор [с. 2].

В начале статьи автор отмечает необходимость определять «политическую активность» (political activism), исходя из трех параметров. Во-первых, целесообразно проводить различие между видами политической активности. Вследствие расширения понятия политического участия трудно определить, к какому типу политической активности относится та или иная деятельность. Например, подчеркивает автор, голосование и активное членство в политической партии формально считаются политическим участием. Однако, следуя «ресурсной модели участия» (resource model of participation)², эти виды деятельности требуют разных объемов и типов ресурсов и, с этой точки зрения, они представляют собой принципиально разные виды деятельности [с. 3].

Во-вторых, Э. Рейнсфорд утверждает, что понятие политической активности не следует определять в рамках так называемой дихотомической концепции, которая основана на «бинарной дихотомии» (binary dichotomy): активный участник или нет, формальная деятельность или нет, участвует или не участвует в политической жизни³. Данная концепция ограничивает понимание политического участия, поэтому в своей статье автор исследует активистов в разных организациях, охватывая многомерный характер политической активности.

---

¹ Marsh D., O'Toole T., Jones S. Young people and politics in the UK: Apathy or alienation? – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2007.

² Brady H.E., Verba S., Schlozman K.L. Beyond SES: A resource model of political participation // American political science rev. – N.Y., 1995. – Vol. 89, N 2. – P. 271–294.

³ Hustinx L., Denk Th. The «Black Box» problem in the study of participation // J. of civil society. – Abingdon, 2009. – Vol. 5, N 3. – P. 209–226.

В-третьих, исследуя политическую активность, необходимо проводить «контекстуальный анализ» (contextualised measure), считает Рейнсфорд. Недостаточно поверхностно изучать статистические данные посещений политических событий, так как они не отражают в полной мере реальную картину. Автор подчеркивает, что следует проводить более глубокий анализ политической активности – например, фиксировать, какой характер носило то или иное мероприятие (расистская или антирасистская демонстрация и т.п.) [с. 3].

Для своего анализа Э. Рейнсфорд выбрала три молодежные политические организации, а именно молодежные фракции (YFs) трех основных политических партий Великобритании («Консервативное будущее», «Молодые лейбористы», «Либеральная молодежь»), Британский молодежный совет (BYC) и Национальный союз студентов (NUS). Отбор был произведен на основе следующих критериев¹. В первую очередь, организация должна быть заинтересована в привлечении молодежи. Также она должна проводить мероприятия с участием молодежи, что бы дало возможность опрашивать респондентов на местах. Наконец, организация должны быть тем или иным образом встроена в современную политическую систему.

Возрастной диапазон участников исследования составил от 16 до 30 лет. Нижний предел возраста уставлен из-за этических соображений, а верхний предел выделялся на основе возрастного ценза для молодежных фракций. Выборка составила 450 человек. Автором отмечаются существенные различия в гендерном распределении в организациях. В молодежных фракциях преобладают мужчины (71%), тогда как у Британского молодежного совета и Национального совета студентов примерно равное соотношение мужчин и женщин [с. 9].

Автор указывает на связь между возможностями для политического участия и определенными навыками, гражданскими и политическими

---

¹ Eisenhardt K.M. Building theories from case study research // Academy of management rev. – Briarcliff Manor (NY), 1989. – Vol. 14, N 4. – P. 532–550.

взглядами, особенностями мотивации активистов. Кроме того, готовность или мотивация к участию также может различаться между активистами различных политических организаций. Э. Рейнсфорд использует классификацию Б. Кландерманса и Д. Ойгема¹, которые делят мотивы на три группы: инструментальные, личностные и идеологические. Инструментальные мотивы подразумевают, что участник хочет получить определенную выгоду от своей активности. Личностные мотивы связаны с чувством поддержания коллективной идентичности, а идеологические сопряжены с моральными и этическими соображениями.

За основу был взят метод исследования, подразумевающий систематическую выборку и опрос на встречах или демонстрациях. В качестве зависимой переменной в исследовании выступает политическая активность в разных политических организациях. В свою очередь, независимые переменные, объясняющие политическую активность, можно сгруппировать в четыре кластера: гражданские и политические навыки, привлечение, гражданская и политическая позиция, а также мотивация.

Молодежные фракции, как уже отмечалось, представляют собой подразделения соответствующих политических партий. Автор подчеркивает, что они тесно связаны с властью. В свою очередь Британский молодежный совет позиционирует себя как зонтичную организацию, у которой свое особое отношение к власти. С одной стороны, их связь очень тесная, так как Совет координирует деятельность Всепартийной парламентской группы по делам молодежи. С другой стороны, он не имеет никаких официальных связей с какой бы то ни было политической партией или государственным органом и не обладает официальными полномочиями на принятие решений. Именно данный факт, по мнению автора, представляет интерес для изучения в сравнении с другими организациями. Ежегодно Совет устраивает

---

¹ Klandermans B., Oegema D. Potentials, networks, motivations and barriers: Steps towards participation in social movements // *American sociological rev.* – Wash., 1987. – Vol. 52, N 4. – P. 519–531.

мероприятия на национальном и региональном уровнях [с. 6].

Автор объясняет выбор третьей организации, Национального союза студентов, тем, что она обладает самой слабой связью с существующим режимом. В 2010 г. состоялась демонстрация, участники которой протестовали против повышения платы за обучение. Национальный союз студентов выступал в качестве одного из организаторов мероприятия. Как отмечается в статье, главная цель подобных организаций – протест [с. 7].

Проведенное исследование показало, что позитивное отношение к сложившейся политической системе, как правило, побуждает молодых людей участвовать в формальной политической деятельности, а негативное вовлекает в демонстрации и протесты. В то же время это утверждение не совсем верно в отношении членов Британского молодежного совета.

Оказалось, что привлечение новых участников не является ключевой составляющей деятельности политических организаций. С большей вероятностью приглашение принять участие в политических мероприятиях получают «оппозиционеры», с меньшей – активисты молодежных фракций [с. 12].

«Оппозиционеров», как правило, стимулируют все три типа мотивации. Что касается активистов молодежных фракций и Британского молодежного совета, то они большей частью руководствуются личностным типом мотивации, а не инструментальным или идеологическим [с. 13].

Таким образом, Э. Рейнсфорд удалось зафиксировать некоторые важные сходства и различия между молодыми активистами Великобритании. Полученные результаты, считает автор, помогут выработать действенные схемы по привлечению молодежи к участию в политической жизни общества.

А.А. Долбакова

ШВАЛЬБЕ К.Б., ДОГЕРТИ Ш.М. ВИЗУАЛЬНОЕ ОФОРМЛЕНИЕ ЛИВАНСКОЙ ВОЙНЫ 2006 ГОДА: ФРЕЙМИНГ КОНФЛИКТА В ТРЕХ НОВОСТНЫХ ИЗДАНИЯХ США¹.

CAROL B. SCHWALBE, SHANNON M. DOUGHERTY Visual coverage of the 2006 Lebanon war: Framing conflict in three US news magazines // *Media, war & conflict*. – 2015. – Vol. 8, N 1. – P. 141–162.

Ключевые слова: Ливанская война 2006 года; контент-анализ; конфликт; фрейминг; визуальное оформление.

Кэрол Б. Швальбе (факультет журналистики Университета штата Аризона, США) и Шэннон М. Догерти (факультет журналистики и связей с общественностью Университета штата Аризона, США) анализируют специфику визуального фрейминга ливанской войны 2006 года в публикациях трех ведущих новостных изданий США: *Time*, *Newsweek*, и *U.S. News & World Report*. Они также задаются вопросом о границах применения такого этического принципа журналистики, как амбивалентность в описании фактов и событий. «Как быть, если “сбалансированная” подача информации лишь вносит смуту в понимание ситуации? Обязаны ли журналисты всегда и в *равной мере* освещать все стороны и аспекты происшествий?», – обращаются к читателю американские исследовательницы. По их мнению, медийное оформление войны или вооруженного конфликта – это всегда история преодоления информационных искажений, обусловленных цензурой, пропагандой или невозможностью получения информации напрямую. Именно поэтому объективное освещение событий Второй ливанской войны, в которой у Израиля было явное преимущество, составило особую трудность для СМИ.

Авторы используют метод контент-анализа, рассматривая визуальное оформление конфликта, т.е. изображения, иллюстрировавшие те статьи *Time*,

---

¹ Сокращенная версия данного реферата была опубликована в издании Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11.: РЖ / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. – М., 2019. – № 1. – С. 75–81.

Newsweek, и *U.S. News & World Report*, которые касались интересующего их конфликта¹.

Фотоизображения завладевают нашим вниманием и вызывают практически мгновенную реакцию, когда мы видим их. В этом плане они всегда нечто большее, чем просто способ «оживить» страницу и обращаться с ними следует, как с контентом². Однако не всегда наличие изображений в публикациях служит более осознанному пониманию проблемы читателем, нередко иллюстрации работают на формирование определенных, нужных редакции стереотипов³. Так, например, чтобы не акцентировать внимание на человеческих жертвах вооруженных конфликтов, статьи намеренно дополняются изображениями разрушенной инфраструктуры или оружия, но не раненных и погибших. И все происходит в точности наоборот, если СМИ заинтересованы в «снижении военных аппетитов» нации или стремятся поддержать общественные выступления в пользу вывода национальных войск из страны конфликта [с. 143].

Кэрл Б. Швальбе и Шэннон М. Догерти подчеркивают, что сбалансированное освещение события не всегда гарантирует соблюдение принципа нейтральности или объективность представления информации [с. 144]. Так, например, в 2003 г. Дж. Буш-младший посетил Сент-Луис, где состоялись две демонстрации. Первая – противников иракской войны собрала несколько тысяч человек, вторая – сторонников вторжения в Ирак – несколько десятков. Однако в сюжете, который вечером того же дня показало местное телевидение, и сторонникам, и противникам войны было отведено

---

¹ Неслучайно были выбраны именно еженедельные новостные журналы, а не газеты, обычно печатающие максимум одно фото к статье. В новостных журналах статьи, как правило, сопровождаются несколькими крупными цветными изображениями или даже фотоколлажем. – *Прим. реф.*

² См.: Fahmy S. U.S. photojournalists and photo editors' attitudes and perceptions: Visual coverage of 9/11 and Afgan War // *Visual communication quarterly* – 2005 – Vol. 12, N 3/4 – P. 146–163

³ См.: Griffin M. Media images of war // *Media, war a conflict*. – 2004. – Vol. 3, N 1. – P. 7–41.

равное количество эфирного времени, что создало у аудитории ошибочное представление о якобы *равном* численном представительстве обеих групп.

В основе методологической базы настоящего исследования лежит т.н. теория фреймов (framing theory)¹, подход, зародившийся в теории коммуникации, достигший пика своего развития в изучении форм повседневных взаимодействий и активно использующийся в современных прикладных исследованиях социологами, политологами и лингвистами. Согласно этой концепции различные СМИ подают одни и те же события в собственном, специфическом ключе и сами решают, на чем сделать акцент, о чем упомянуть вскользь, а какие подробности и вовсе опустить. К. Швальбе и Ш. Догерти раскрывают специфику фреймирования на примере масс-медийного представления иракской войны. Они констатируют, что большинство британских и американских СМИ, освещая начало иракской кампании в 2003 г., выносили на первые полосы победные или связанные с героизмом сюжеты и, что самое главное, не публиковали изображения мертвых и раненых. Одновременно арабоязычные издания постоянно печатали фотографии разрушений, раненых и плачущих женщин и детей.

Несмотря на то, что, рассматривая визуальное оформление сообщений прессы о Второй ливанской войне, авторы постоянно проводят параллели с работой СМИ во время иракских событий, они подчеркивают, что эти два «кейса» в корне различны. США (будучи близким союзником Израиля)

---

¹ В широком смысле, фреймы – это смысловые рамки, которые помогают индивидам воспринимать явления. Понятие фрейма относят к работе Ирвинга Гофмана «Frame analysis: An essay in the organization of experience». Согласно И. Гофману, фрейм – это своего рода перспектива восприятия, которая помогает актору создать формальное определение ситуации. Т.е. фреймы – это когнитивные структуры, которые люди используют для объяснения ситуаций и своего участия в них. Исходной посылкой теории фреймов в применении к масс-медиа является представление о том, что СМИ фокусируются на конкретных событиях, которые преподносятся аудитории нужным образом. СМИ диктуют своей аудитории не только, *что* думать о том или ином событии / происшествии, но и *как* относиться к ним в целом. Т.е. фрейминг новостей – это соревнование интерпретаций. – *Прим. реф.*

напрямую не участвовали в войне 2006 года. Именно это, по мнению исследователей, дает возможность оценить визуальную составляющую освещения военных действий по критериям достоверности, пропорциональности и сбалансированности.

Предваряя анализ графического наполнения публикаций в *Time*, *Newsweek*, и *U.S. News & World Report* авторы выдвигают три гипотезы [с. 146]:

1. Чаще всего американские СМИ освещают любую войну (имеется в виду характер изображений, дополняющих статьи) в терминах военного конфликта, а не причиненного вреда, разрушений и человеческих потерь. Соответственно, можно ожидать, что и в графическом наполнении статей о ливанской войне 2006 года акцентирован будет именно военный конфликт.

2. Несмотря на асимметричный характер конфликта («целое государство Израиль против небольшой военизированной религиозной группировки¹» [с. 146]) количество изображений разрушений и жертв Израиля и Ливана окажется примерно одинаковым. Т.е. графическое оформление статей будет сбалансированным, но не пропорциональным.

3. Очень малая доля всех фотографий к статьям, посвященным Второй ливанской войне, будет содержать изображения раненых и убитых.

При проверке этих гипотез К. Швальбе и Ш. Догерти провели контент-анализ 186 изображений (под изображениями понимаются фотографии, карты, графики и схемы), относящихся к ливанской войне 2006 года, в *Time*, *Newsweek* и *U.S. News & World Report*. Каждое изображение было отнесено к одной из 43 выделенных категорий, причем ряд изображений – к нескольким категориям одновременно. Для упрощения кодирования изображений, они

---

¹ Имеется в виду «Хизбалла» – политическая партия Ливана, уже обладавшая на момент развертывания боевых действий собственными военизированными формированиями. «Хизболла» считается террористической организацией в США, Великобритании, Нидерландах, Канаде, Израиле, Австралии и Египте. В России «Хизболла» не считается террористической организацией. – *Прим. реф.*

изначально были разбиты на несколько крупных групп, в зависимости от того, на какой составляющей войны делался основной акцент:

1. *военный конфликт* (изображения войск, вооружения, заложников, воюющих сторон, в том числе тренирующихся молодежных отрядов «Хизбаллы»);

2. *жестокость войны* (изображения результатов конфликта – разрушенных улиц, домов, жертв среди военных и гражданского населения);

3. *общественный интерес* (изображения работников миротворческих миссий);

4. *ответственность* (изображения конкретных политиков, партийных деятелей, на которых возлагается вина за развязывание конфликта);

5. *антивоенные выступления* (изображения групп протестующих, а также распространяемых ими листовок и плакатов).

Наконец, в отдельную группу – «другое» – были включены карты, исторические кадры и т.п.

В итоге было установлено, что около 15,2% графических материалов содержали изображения мирного населения Ливана; около 4,5% – гражданского населения Израиля; 11,6% – изображения разрушений. 59% пришлось на изображения вооружений, войск, а также гражданских и военных лидеров [с. 149].

По заключению К. Швальбе и Ш. Догерти, гипотеза № 1 подтвердилась, но частично: исследователи отмечают, что события ливанской войны 2006 г. освещались не только в рамках «*военного конфликта*», но также сквозь призму фрейма «*общественного интереса*» (т.е. повышенное внимание уделялось гражданскому населению). По общим подсчетам военная тематика даже несколько уступила тематике гуманитарной: 25% и 26% соответственно. За ними шла группа «*жестокость войны*» (18%), «*ответственность*» (16%), *другое* (13%), и

лишь 3% пришлось на изображения *протестующих* против военных действий [с. 151].

Второе предположение о том, что количество изображений конфликтующих сторон будет примерно равным, не подтвердилось. Наоборот, число фотографий «Хизбаллы» и Ливана в новостных еженедельных журналах в два раза превысило количество изображений Израиля: 65,5% и 34,4%, соответственно. Однако, отмечают исследователи, соотношение фотографий раненых и погибших «размыло» асимметричность потерь [с. 153]. На 20 соответствующих изображений девять (45%) пришлось на жертвы среди ливанского населения, семь (35%) – на жертвы среди израильтян, при том, что на самом деле количество пострадавших ливанцев в семь раз превысило количество пострадавших израильтян.

Несмотря на большее количество жертв среди населения Ливана (свыше 5,5 тыс. чел., из которых погибших – 1, 24 тыс. в сравнении с 850-ю жертвами со стороны Израиля), процент их изображений в новостных еженедельниках был крайне мал – около 11 (20 фотографий из 186), что подтвердило гипотезу № 3. Впрочем, если журналы *Time* и *U.S. News & World Report* визуально уравнивали количество жертв с обеих сторон, то изданию *Newsweek* удалось сохранить пропорциональность (было напечатано три изображения раненых и погибших среди ливанцев в противовес одному снимку с изображением раненых израильтян).

Объяснением относительно малого числа изображений человеческих жертв могут также служить национальные представления об этике: американские СМИ опасаются оскорбить чувства читателей смакованием кровавых подробностей. Для сравнения, катарский новостной канал «Аль-Джазира» обычно делает упор на подобного рода изображения, когда речь идет о войне.

Авторы исследования отметили разницу в специфике медийного фрейминга конфликтов, в зависимости от того, участвуют в них США напрямую или нет. Освещая события в Ираке, американские СМИ обходили

стороной несчастные случаи с женщинами и детьми, но действовали прямо противоположным способом при описании Второй ливанской войны [с. 155].

К. Швальбе и Ш. Догерти отмечают «PR-активность» «Хизбаллы», предоставлявшей репортерам все условия для съемки, с тем чтобы обратить внимание общественности на количество жертв среди гражданского населения Ливана. В то же время, в своей пропаганде «Хизбалла» преуспела лишь отчасти, поскольку, как уже отмечалось ранее, журналы напечатали примерно равное количество изображений жертв с обеих сторон.

По мнению авторов, американская аудитория все же получила относительно правдивую картину событий ливанской войны 2006 года. Но связано это было, в первую очередь, с тем, что, США не были вовлечены в конфликт напрямую. В то же время, К. Швальбе и Ш. Догерти задаются вопросом: насколько объективно освещался этот конфликт в СМИ других государств, в особенности, Израиля и Ливана?

Сложно себе представить ситуацию, когда достоверность передаваемой СМИ информации, играла бы большую роль, чем во время военных конфликтов, пишут в заключении К. Швальбе и Ш. Догерти. Пропорциональное, адекватное реальности представление жертв и пострадавших является крайне важным в условиях изменения характера и метод ведения войн в XXI веке, парадокса асимметрии в международных конфликтах и развертывания процесса глобализации.

М.П. Васильченко

Е.А. КАРНАУХОВА

ОСВЕЩЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ ГЕНОЦИДА АРМЯН В БРИТАНСКОМ ЭКСПЕРТНОМ СООБЩЕСТВЕ

Ключевые слова: геноцид армян; Османская империя; Турция; Армения; этноцид; Р. Лемкин; Р.Т. Эрдоган; исламизация; геополитика.

Введение

24 апреля 2015 г. исполнилось ровно 100 лет со дня начала массового истребления армян Османской империи¹. Геноцид армян, совершенный турецким руководством, называют одной из наиболее жестоких этнических чисток, которые имели место в истории XX века². Сотни тысяч армян погибли от голода и болезней в ходе депортации из Западной Армении в сирийскую пустыню и другие окраины западной части Османской империи³.

Следует отметить, что вопрос об общем количестве погибших в то время армян до сих пор вызывает многочисленные споры. Сами армяне уверяют мировое сообщество, что в результате геноцида погибло около 1,5 млн человек. Турецкая Республика готова признать, что жертвами массовых убийств стали не более 300 тыс. армян, проживавших в Османской империи⁴. При этом подчеркивается, что до Первой мировой войны в империи проживало *менее* 1,5 млн армян⁵.

По другим данным, в 1914 г. в Османской империи насчитывалось около 2 млн армян⁶. К 1922 г. их осталось всего 400 тыс. человек⁷. То, что случилось с этими людьми, международное сообщество попыталось забыть. Но сами армяне продолжают передавать «ужасающие истории об изнасилованиях, эскадронах смерти и насильственном обращении армян в

---

1 Heller K.J., Simpson G. The hidden histories of war crimes trials. – Oxford univ. press UK, 2013. – P. 80–81.

2 De Waal T. Great catastrophe. Armenians and Turks in the Shadow of Genocide. – Oxford univ. press UK, 2015. – P. 35.

3 Q&A: Armenian genocide dispute // BBC. – Mode of access: <http://www.bbc.co.uk/news/world-europe-16352745> [Accessed: 15.12.2017.]

4 Ibid.

5 ECHR: Why Turkey won't talk about the Armenian genocide // The Telegraph. – Mode of access:

<http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/europe/turkey/11373115/Amal-Clooneys-latest-case-Why-Turkey-wont-talk-about-the-Armenian-genocide.html> [Accessed: 15.12.2017.]

6 Why is the UK government so afraid to speak of Armenian genocide? // The Guardian. – Mode of access:

<https://www.theguardian.com/commentisfree/belief/2015/apr/24/why-uk-government-so-afraid-speak-armenian-genocide> [Accessed: 15.12.2017.]

7 Ibid.

ислам» из поколения в поколение¹.

Несмотря на обилие научных и публицистических материалов, посвященных геноциду армян, до сих пор не установлена общепринятая трактовка данного исторического явления. Именно поэтому история массовых убийств армянского населения в 1915-1923 гг. остается в списке актуальных тем экспертного сообщества, в том числе и британского.

Следует отметить, что Великобритания была одной из первых стран, которые в 1915 г. «осудили Турцию за массовые убийства как преступления против человечности»². Однако с начала 90-х гг. XX века Соединённое Королевство стало утверждать, что эти «массовые убийства» не стоит приравнивать к геноциду. В настоящее время Лондон по-прежнему уклоняется от признания геноцида армян, поскольку правительство «признает геноцидом лишь те события, которые признаны таковыми международными судами»³.

Отсутствие чёткой официальной позиции в армянском вопросе и старательное неиспользование британским политическим истеблишментом самого понятия «геноцид» в отношении известного исторического феномена не мешают британским исследователям давать собственную оценку событиям тех лет. Для написания данного реферата были изучены научные статьи, монографии и материалы средств массовой информации, опубликованные в Великобритании в 2015-2017 годах.

Автор данного реферата посчитал целесообразным «разбить» собранные данные на несколько блоков, т.е. проанализировать проблему геноцида армян как:

результат проявления турецкого национализма;

---

1 Ibid.

2 Robertson G. An inconvenient genocide. Who now remember the Armenians? – Biteback Publishing Ltd, 2015. – P. 158.

3 Britain sidesteps Armenian genocide recognition a century after killings // The Guardian. – Mode of access: <https://www.theguardian.com/world/on-the-middle-east/2015/apr/23/britain-sidesteps-armenian-genocide-recognition-a-century-after-killings> [Accessed: 15.12.2017.]

проявление геополитической игры великих держав;
результат борьбы против представителей других конфессий.

В заключение были выявлены общие черты британских исследований по данной тематике и проанализирована официальная позиция Великобритании в отношении заданной проблемы.

Геноцид армян как результат проявления турецкого национализма

В начале XX века наметился стремительный рост турецкого национализма, который привёл к массовой депортации армян Османской империи. Как правило, главную роль в отходе от политики имперской полиэтничности к политике пантюркизма исследователи отводят деятелям младотурецкого движения, которые пришли к власти по итогам революции 1908 г.¹. Связано это с тем, что младотурки, члены партии «Единение и прогресс» (Committee of the Union and Progress), ставили перед собой задачу культурной гомогенизации страны с целью конструирования турецкой идентичности на основе единых для всех норм турецкого языка и исламской веры². Однако отдельные британские исследователи указывают, что нарастание турецкого национализма и негативное отношение к армянскому этносу возникли задолго до превращения младотурков в движущую политическую силу страны в начале XX века — предпосылки национализма и геноцида армян формировались на протяжении всего XIX века.

Еще с конца XVIII столетия в Османской империи стала складываться прослойка армянской буржуазии — благодаря ее активной торговой и предпринимательской деятельности и вопреки структурной дискриминации в

---

1 Heller K.J., Simpson G. The hidden histories of war crimes trials. – Oxford univ. press UK, 2013. – P. 80–81.

2 Robertson G. An inconvenient genocide. Who now remember the Armenians? – Biteback Publishing Ltd, 2015. – P. 40–41.

империи постепенно возник армянский средний класс¹. Крупные армянские магнаты воспринимались властью в качестве ценных слуг и потому пользовались своим влиянием для контроля ситуации в православных миллетах². Многие из них отправлялись в европейские страны, чтобы наладить деловые отношения и обзавестись новыми экономическими партнёрами. К концу XIX в. практически в каждом уголке империи появились армянские врачи, фармацевты, преподаватели, кузнецы, портные, сапожники, гончары и даже фотографы³. Более того, на рельсы капиталистического развития встали и «армянские фермеры»⁴, которые успешно применяли новые методы ведения сельского хозяйства для капитализации прибыли. Постепенно растущее процветание армян в Османской империи стало предметом домыслов, подозрений, а главное, зависти и ненависти к ним со стороны архаичных слоёв османского общества — турецкого и курдского⁵ (т.н. мусульманского большинства).

Параллельно с экономическим развитием армян шёл упадок самой Османской империи, которая на фоне западных соседей «выглядела довольно устаревшей»: теократическое государство, легитимность политической власти которого по-прежнему основывалась на шариате, тормозившем развитие османского социума⁶. Предотвратить этот упадок не удалось даже с помощью модернизационных реформ — Танзимата. Погрязнув в остром социально-экономическом кризисе феодального общества, Турция пала жертвой «восточного вопроса». Великие державы решили добить «больного человека Европы», провоцируя рост национально-освободительного

---

1 Thomas P. Remembering Armenian genocide. – Gwasg Carreg Gwalch, 2015. – P. 56–57.

2 Ibid.

3 Thomas P. Remembering Armenian genocide. – Gwasg Carreg Gwalch, 2015. – P. 57.

4 Ibid.

5 Ibid.

6 Cheterian V. Open wounds: Armenians, Turks and a century of genocide. – C. Hurst & Co (Publishers) Ltd., 2015. – P. 43–44.

движения в османских провинциях¹. По итогам войн XIX — начала XX столетий Порты потеряла фактически все свои балканские владения и некоторые владения в Африке. Поражение империи привело к росту коллективной ненависти, «деструктивным фантазиям» о мести, падению престижа и разрушению мифа об османском превосходстве².

Чувствуя слабость центральной власти, армяне стали активнее требовать предоставления им равноправия. Под влиянием западных идей о национальном самосознании, а также теории общественного договора армяне начали агитировать за национальную автономию в рамках Османской империи. Считается, что изначально армяне не имели каких бы то ни было сепаратистских порывов³. Все, что они хотели больше всего, — физическая безопасность, безопасность их имущества, справедливость османских судов и равноправие религиозных меньшинств⁴. Это именно то, что было обещано им в рамках танзиматских реформ, которые не увенчались успехом. Армянские элиты, видя неспособность правительства страны самостоятельно гарантировать им необходимый набор прав и свобод, понадеялись, что «спасение придёт благодаря вмешательству европейских держав»⁵. Открывая общественные организации (например, в 1890 г. в Тифлисе была открыта Армянская Революционная Федерация — Прим. автора) и запрашивая помощь и поддержку за рубежом, они стали восприниматься турками в качестве «пятой колонны», от которой нужно срочно избавиться.

Тем не менее, по итогам революции 1908 г. армяне получили долгожданное политическое равенство (в частности, в новый парламент были

---

1 Thomas P. Remembering Armenian genocide. – Gwasg Carreg Gwalch, 2015. – P. 57–58.

2 Thomas P. Remembering Armenian genocide. – Gwasg Carreg Gwalch, 2015. – P. 70.

3 Cheterian V. Open wounds: Armenians, Turks and a century of genocide. – C. Hurst & Co (Publishers) Ltd., 2015. – P. 54.

4 Ibid.

5 Ibid.

избраны десять армянских депутатов¹), что вызвало недовольство их мусульманских соседей — в апреле 1909 г. разъярённые мусульмане устроили Киликийскую резню, массовые погромы армян в Адане². Их причинами стали те самые зависть к богатству армянской общины и подозрения о намерениях армян ослабить империю и провозгласить независимость.

Примечательно, что армяне приветствовали младотурецкую революцию и, в целом, испытывали положительные чувства к самому движению³. Однако младотурки не отвечали армянам взаимностью. Ярые националисты, они восприняли пытающихся активно участвовать в политической и экономической жизни империи армян как «туберкулезный микроб» и «внутреннюю опухоль», от которой необходимо очистить османское общество⁴.

Окончательно встав на позиции пантюркизма и отказавшись от османизма после поражения в итало-турецкой (1911-1912) и I Балканской войне (1912-1913), лидеры младотурецкого движения стали предпринимать меры по борьбе с армянской «злокачественной опухолью». Массовые депортации и геноцид армян были осуществлены в годы Первой мировой войны (1914-1918). Считается, что именно вступление Турции в войну развязало руки младотуркам и позволило им применить жестокость в отношении армянского населения⁵. Однако незадолго до неё в соответствии с директивами Энвера-паши, одного из идеологов геноцида армян, в стране переименовали деревни, реки, города, абсолютно все, что носило армянские

---

1 Thomas P. Remembering Armenian genocide. – Gwasg Carreg Gwalch, 2015. – P. 63–64.

2 Ibid.

3 Cheterian V. Open wounds: Armenians, Turks and a century of genocide. – C. Hurst & Co (Publishers) Ltd., 2015. – P. 59

4 Robertson G. An inconvenient genocide. Who now remember the Armenians? – Biteback Publishing Ltd, 2015. – P. 43.

5 Heller K.J., Simpson G. The hidden histories of war crimes trials. – Oxford univ. press UK, 2013. – P. 80.

названия. Были запрещены армянские имена¹. С января 2014 г. активнее стали прорабатываться вопросы этнической чистки. Спустя некоторое время националисты создали так называемые «специальные организации», куда вошли представители курдских племён, освобождённые преступники, некогда осуждённые за свершение кровавых убийств, и мусульманские беженцы из бывших европейских владений Османской империи. На них и была возложена задача по «очищению» турецкого общества².

Существует точка зрения, что посредством геноцида армян младотурки попытались не просто устранить «политический микроб», но и создать национальное народное хозяйство и мусульманскую буржуазию³. Связано это с тем, что после того, как были даны распоряжения о депортации армянского населения, армянам было запрещено продавать или закладывать своё имущество, снимать деньги с банковских счетов, армянская собственность была конфискована и передана мусульманским беженцам с Балкан. Т.е. именно армянский капитал и активная роль армян в экономике сыграли определенную роль в решении младотурков уничтожить армянское меньшинство, которое представляло собой серьёзную конкуренцию турецкому населению в экономической сфере⁴.

Британские исследователи не скупятся использовать в своих работах подробные описания тех зверств в отношении армян, что имели место в Османской империи 1915 г. В частности, Патрик Томас в книге «Вспоминая геноцид армян» описывает, с какой яростью турки и курды нападали на армян, разрывали их тела кинжалами, оставляли увечья на самых чувствительных местах, потрошили тех, кто оказывал сопротивление,

---

1 Robertson G. An inconvenient genocide. Who now remember the Armenians? – Biteback Publishing Ltd, 2015. – P. 45–46.

2 Thomas P. Remembering Armenian genocide. – Gwasg Carreg Gwalch, 2015. – P. 76.

3 Cheterian V. Open wounds: Armenians, Turks and a century of genocide. – C. Hurst & Co (Publishers) Ltd., 2015. – P. 249–250.

4 Cheterian V. Open wounds: Armenians, Turks and a century of genocide. – C. Hurst & Co (Publishers) Ltd., 2015. – P. 256.

вырывали глаза¹. Мусульманское большинство было пропитано националистической ненавистью к армянскому меньшинству и действительно хотело причинить ему страдания. Патрик Томас приводит в качестве доказательства данного тезиса цитату политического деятеля из города Харберд Хаджи Мехмета Эффенди, который говорил: «Армяне уже знают, что такое резня [вероятно, имеет в виду массовые убийства армян в 1894-1896 гг. — Прим. автора] и думают, что могут стерпеть избиения. Но мы позволим им подождать и узнать, что такое депортация»².

Таким образом, геноцид армян осуществлялся в атмосфере пантурской националистической паранойи. Армяне стали жертвой «расовой ненависти», вызванной общим националистическим подъёмом на фоне социально-экономического и геополитического кризиса в стране. Однако не следует пренебрегать значением и внешних факторов, которые привели к массовой депортации армянского населения Османской империи.

Геноцид армян как результат геополитической игры великих держав

Существует точка зрения, что османские армяне подверглись жестокому геноциду лишь потому, что стали пешкой в «большой игре» великих держав против Османской империи. Особо активно разыгрывали «армянский фактор» Россия и Германия.

Российская империя следила за положением армян в Османской империи на протяжении всего XIX века. Однако лишь после поражения Турции в итало-турецкой (1911-1912) и I Балканской (1912-1913) войнах Россия решила использовать «армянский вопрос» с целью окончательного ослабления Турции и получения выхода к черноморским проливам. В

---

1 Thomas P. Remembering Armenian genocide. – Gwasg Carreg Gwalch, 2015. – P. 97.

2 Thomas P. Remembering Armenian genocide. – Gwasg Carreg Gwalch, 2015. – P. 118.

качестве трамплина для своего прыжка на Ближний Восток Россия выбрала Восточную Анатолию, или Западную Армению, 30% местного населения которой составляли армяне¹, неоднократно обращавшиеся к великим державам с просьбой покровительствовать им и защищать их от османского правительства.

В начале 1914 г. Турция под давлением России была вынуждена подписать русско-турецкое соглашение по армянским реформам (Reform Agreement). В соответствии с соглашением, на территории Западной Армении было образовано два сектора, управлять которыми было поручено генеральным инспекторам, назначенным по рекомендации великих держав². Как пишет британский правозащитник и адвокат Джеффри Робертсон, после этого помимо массовой неприязни к богатству и экономическому успеху армян распространилась версия о том, что армяне являются вовсе чуждым элементом османского общества³.

Изначально согласившись с требованием России провести реформы в провинциях, где компактно проживали армяне, младотурки, помня о поражении страны в предшествующих войнах и о потере значительной части территории по их итогам, стали задумываться о том, не приведёт ли присутствие европейских инспекторов к утрате восточных рубежей⁴. Лидеры младотурецкого движения боялись, что чересчур высокая концентрация христиан в Восточной Анатолии будет подрывать их попытки укрепить страну и помешает сосредоточиться на новом государственном

---

1 Robertson G. An inconvenient genocide. Who now remember the Armenians? – Biteback Publishing Ltd, 2015. – P. 44–45.

2 Thomas P. Remembering Armenian genocide. – Gwasg Carreg Gwalch, 2015. – P. 71.

3 Robertson G. An inconvenient genocide. Who now remember the Armenians? – Biteback Publishing Ltd, 2015. – P. 44–45.

4 Cheterian V. Open wounds: Armenians, Turks and a century of genocide. – C. Hurst & Co (Publishers) Ltd., 2015. – P. 60.

строительстве¹.

В начале Первой мировой войны (1914-1918) среди мусульманского большинства укрепился взгляд на армян как на «пятую колонну», существование которой может привести к падению империи. Армяне лишь подтверждали этот тезис своими действиями — Порта постоянно получала донесения о том, что армяне восточных провинций перебегают на сторону русских, которые готовятся к оккупации Западной Армении². Геноцид армян как раз и начался на фоне слухов о готовящейся оккупации русской армией турецкой территории.

Но если Россия только ускорила геноцид армян, то Германия приняла непосредственное участие в его организации и осуществлении. Как писал немецкий пастор Йоханнес Эйман (Johannes Ehmman), геноцид армян представлял собой чётко спланированный план действий, что являлось особенностью немецких методов борьбы за свои интересы, нежели турецких³. Ему вторила Тейси Аткинсон, американский миссионер, утверждавшая, что геноцид армян — результат тройственного союза Германии, Турции и дьявола⁴.

Действительно немцы испытывали к османским армянам не самые тёплые чувства — некоторые германские дипломаты рассматривали армян в качестве «коварных гадин»⁵. Зная о намерении русских по оккупации земель Западной Армении, германские военачальники разработали план по переселению армян с российско-турецких пограничных провинций в Алеппо и Месопотамию. На места проживания армян должны были прийти арабы, с

---

1 Baker Mark R. The Armenian genocide and its denial: a review of recent scholarship. – Cambridge univ. press UK, 2015. – P. 197–198.

2 Robertson G. An inconvenient genocide. Who now remember the Armenians? – Biteback Publishing Ltd, 2015. – P. 241

3 Thomas P. Remembering Armenian genocide. – Gwasg Carreg Gwalch, 2015. – P. 27–28.

4 Ibid.

5 Thomas P. Remembering Armenian genocide. – Gwasg Carreg Gwalch, 2015. – P. 27–28.

помощью которых стало бы возможным укрепить российско-турецкую границу¹. Все, что сделали турки, — развили военную теорию немцев по переселению армян до уровня депортации и геноцида².

Примечательно, что сами немцы решили использовать армян не только ради того, чтобы укрепить восточные рубежи Османской империи, которая выступала в качестве союзника Германии в Первой мировой войне. В большей мере немцы хотели избавиться от нежелательной для себя конкуренции в экономической сфере³. С начала XX века немцы начали активно наращивать своё экономическое присутствие в Османской империи. Самыми крупными конкурентами немецких торговцев и предпринимателей являлись не кто иной, как армяне.

Более того, некоторые немцы рассматривали армян с ориенталистской точки зрения, т.е. пренебрежительно. В частности, германский консул в турецком городе Трапезунд (в н.в. — Трабзон) господин Бергфельд считал армян малопривлекательными людьми, «бесчинства в отношении которых не следует осуждать слишком серьёзно»⁴. А директор компании «Железные дороги Анатолии» (Anatolian Railway Company) полковник Ботлих (Colonel Böttlich) подписал приказ об увольнении и депортации армян, работавших в данной организации⁵.

По мнению британских исследователей, подобные «мелочи» как раз и являются доказательством того, что немцы приложили руку к организации геноцида армян вместо того, чтобы предотвратить варварские действия по отношению к братьям-христианам. Кроме того, сохранилась переписка немецких и турецких военачальников, в которых последние. Отчитываясь,

---

1 Thomas P. Remembering Armenian genocide. – Gwasg Carreg Gwalch, 2015. – P. 31.

2 Ibid.

3 Ibid.

4 Thomas P. Remembering Armenian genocide. – Gwasg Carreg Gwalch, 2015. – P. 124.

5 Thomas P. Remembering Armenian genocide. – Gwasg Carreg Gwalch, 2015. – P. 29.

писали о том, что «полное уничтожение армянской расы навсегда решит армянский вопрос», под которым каждая сторона понимала свои собственные проблемы¹.

Потерпев поражение в Первой мировой войне (1914-1918), турецкое правительство осознало, что «зверства против армян» выйдут на первый план внутривосточной повестки дня послевоенной Турции и будут использоваться в качестве аргументов против страны в процессе мирного урегулирования. Действительно великие державы решили разыграть «армянскую карту», чтобы окончательно добить «больного человека Европы». Страны Антанты осудили Турцию ещё в 1915 г. — тогда 24 мая ими были изданы соответствующие декларации, в которых Великобритания, Франция и Россия обвиняли турецкую Порту в «преступлениях против человечности» и дали обещание наказать виновных². Для них геноцид армян стал основой для аргументации в пользу отделения от Османской империи «нетурецких» народов. В ходе мирных переговоров великие державы осуждали турков в самой страшной резне, беспрецедентной в турецкой истории³. Однако, хоть страны-победительницы и горели страстным желанием наказать Турцию, единственное, на что они могли пойти, — навязать ей жёсткие условия мирного соглашения. Порядки того времени были таковы, что либо само государство наказывает себя за свои же собственные действия, либо его не наказывает никто⁴.

Турция, чтобы хоть как-то улучшить свои позиции в рамках переговорного процесса, под давлением стран Антанты создала военный трибунал (1919-1920) с целью наказания виновных в геноциде армян. Примечательно, что собственно геноцид армян не стал ключевым вопросом,

---

1 Thomas P. Remembering Armenian genocide. – Gwasg Carreg Gwalch, 2015. – P. 38.

2 Robertson G. An inconvenient genocide. Who now remember the Armenians? – Biteback Publishing Ltd, 2015. – P. 241.

3 Robertson G. An inconvenient genocide. Who now remember the Armenians? – Biteback Publishing Ltd, 2015. – P. 21.

4 Ibid.

рассматриваемым в ходе заседаний трибунала, — куда больше великие державы-победительницы хотели отомстить Турции за её жестокое обращение по отношению к британским и французским военнопленным. Тем не менее, заключив в 1920 году Севрский мирный договор, страны Антанты вовсе забыли про геноцид армян. Это доказывает лишь то, что судьба османских армян мало интересовала Россию, Великобританию и Францию. Армянский фактор использовался ими лишь для ослабления Османской империи.

Геноцид армян как результат борьбы против «немусульман»

Некоторые исследователи интерпретируют геноцид армян как часть войны, провозглашённой мусульманами Османской империи против представителей других конфессий. Вступив в Первую мировую войну (1914-1918), Великая Порта объявила джихад всем тем, кто отказывался принимать и чтить мусульманскую веру, несмотря на то что она выступала в качестве союзника христианских стран — Германии и Австро-Венгрии.

Считается, что корни очередного джихада уходят своими корнями в XIX век — тогда в отношениях между субъектами Османской империи возник кризис в результате модернизации традиционного общественного строя и применения в Турции норм публичного права, характерных для Запада¹. Хотя по итогам Танзимата шариат и остался главным мерилом общественных отношений, среди мусульманского большинства распространился взгляд на то, в стране намечается отход от норм ислама, который являлся для многих подданных Османской империи не просто религией, а образом жизни.

Более того, в 1856 г. была разрешена продажа крупных земельных

---

¹ Rubenstein Richard L. Jihad and Genocide. – Lanham: Rowman and Littlefield, 2010. – P. 44.

участков, принадлежавших мусульманам, немусульманскому населению¹. В торговой и промышленной сфере под воздействием целого комплекса факторов начинали доминировать армяне, евреи, греки, т.е. немусульманское меньшинство, что придавало религиозный характер переходу от «оттоманистической» ориентации, подчёркивающей равенство всех подданных Османской империи, к более националистической идеологии, провозглашавшей этническое превосходство мусульман².

Таким образом, реформы Танзимата привели к межконфессиональной напряжённости. Они не только не смогли закрепить справедливое отношение между субъектами империи, а напротив заложили основу для «репрессивной ассимиляционной политики»³. В связи с этим геноцид армян задумывался как проект по ликвидации христианской общины как таковой - некоторые исследователи считают, что младотурки хотели зачистить всю территорию Османской империи и оставить в провинциях только 5-10% представителей других конфессий⁴, то есть они придерживались плана не этнической, а религиозной гомогенизации страны⁵. Как правило, для аргументации данного тезиса приводится факт о том, что в 1915-1916 гг. несколько сотен тысяч армян избежали смерти, приняв ислам⁶.

В таком случае правильнее говорить не о «геноциде армян», а о геноциде «немусульман», поскольку депортации и массовым убийствам

---

1 Rubenstein Richard L. Jihad and Genocide. – Lanham: Rowman and Littlefield, 2010. – P. 47.

2 Rubenstein Richard L. Jihad and Genocide. – Lanham: Rowman and Littlefield, 2010. – P. 50.

3 Cheterian V. Open wounds: Armenians, Turks and a century of genocide. – C. Hurst & Co (Publishers) Ltd., 2015. – P. 47–48.

4 Baker Mark R. The Armenian genocide and its denial: a review of recent scholarship. – Cambridge univ. press UK, 2015. – P. 198.

5 Baker Mark R. The Armenian genocide and its denial: a review of recent scholarship. – Cambridge univ. press UK, 2015. – P. 207.

6 Rubenstein Richard L. Jihad and Genocide. – Lanham: Rowman and Littlefield, 2010. – P. 54–55.

подверглись не только армяне Османской империи, но и греки и еще евреи¹. Куда более интересной точкой зрения является версия того, что и геноцида никакого не было — на самом деле в 1915 году начались всего лишь столкновения между армянами и мусульманами, вызванными противоречиями в религиозной сфере, а государство вовсе не имело к ним никакого отношения².

Заключение

Некоторые исследователи считают, что геноцид армян интерес не тем, что он был, а тем, что турки его так долго отрицают³. Считается, что до 1960-х гг. дипломаты, историки, представители турецкой элиты, впрочем, как и многие другие государства мира, словно «страдали коллективной амнезией» и в значительной степени старались игнорировать преступления, совершенные против армянского населения Османской империи⁴.

Формально лишь с 1965 г., когда армяне отметили 50-летие со дня начала геноцида армян, данные исторические события стали объектом пристального внимания чуть ли не всего мирового сообщества. К тому же через 10 лет, в 1975 г., была организована армянская военизированная организация «Армянская секретная армия освобождения Армении» (АСАЛА), члены которой стали совершать противоправные действия в отношении турецких дипломатов, политических и военных деятелей⁵. АСАЛА преследовала цель восстановить историческую справедливость и

---

1 Rubenstein Richard L. Jihad and Genocide. – Lanham: Rowman and Littlefield, 2010. – P. 56.

2 Cheterian V. Open wounds: Armenians, Turks and a century of genocide. – C. Hurst & Co (Publishers) Ltd., 2015. – P. 63.

3 Baker Mark R. The Armenian genocide and its denial: a review of recent scholarship. – Cambridge univ. press UK, 2015. – P. 197.

4 Tunç A. Geopolitics of denial: Turkish state's "Armenian problem" // J. of Balkan and Near Eastern studies. – Routledge. Taylor & Francis Group, 2016. – P. 125–126.

5 Ibid.

заставить правительство Турции признать геноцид армян. Молодые армянские радикалы, вдохновлённые примером палестинских террористов, хотели продемонстрировать Турции и всему мировому сообществу, «что армянский вопрос не умер», а наоборот ждёт своего решения¹.

Существуют версии, что проблема геноцида армян, а точнее проблема его признания, возникла не случайно. И опять же армяне оказались пешкой в «большой игре». Некоторые исследователи полагают, что требовать признания данных событий армян подстрекал Советский Союз, который хотел использовать их для ослабления позиций Турции на мировой арене, а главное, в рамках НАТО².

Так или иначе, с середины XX столетия историки, прежде всего, армянского происхождения, не на шутку заинтересовались проблемой геноцида армян. В течение многих лет они писали о геноциде, как правило, без доступа к турецким архивным данным³, что не может не заставить засомневаться в их научной достоверности и непредвзятости. До сих пор не все архивные материалы Турции раскрыты, поэтому трудно свести все данные о событиях тех лет и поставить точку в вопросе о том, следует ли классифицировать действия младотурецких политиков в отношении армян Османской империи как геноцид или нет⁴.

Тем не менее, с середины 1970-х гг. проблема признания геноцида армян стала одной из центральных проблем Турецкой Республики⁵. В конце XX столетия «политика отрицания» легла в основу большой геополитической

---

1 De Waal T. Great catastrophe. Armenians and Turks in the Shadow of Genocide. – Oxford univ. press UK, 2015. – P. 152.

2 De Waal T. Great catastrophe. Armenians and Turks in the Shadow of Genocide. – Oxford univ. press UK, 2015. – P. 152–153.

3 Baker Mark R. The Armenian genocide and its denial: a review of recent scholarship. – Cambridge univ. press UK, 2015. – P. 198.

4 De Waal T. Great catastrophe. Armenians and Turks in the Shadow of Genocide. – Oxford univ. press UK, 2015. – P. 34–35.

5 Tunç A. Geopolitics of denial: Turkish state's "Armenian problem"// J. of Balkan and Near Eastern studies. – Routledge. Taylor & Francis Group, 2016. – P. 132–133.

«неооттоманской» стратегии Турции по защите исламской идентичности — «проблема геноцида армян является важной составной частью национальной безопасности и самобытности Турции»¹. С приходом к власти Партии справедливости и развития (Adalet ve Kalkınma Partisi, АРК), при которой наметился отход от турецкого светского национализма к «неооттоманизму» и «реисламизации» общества, признание геноцида христиан-армян стало крайне неприемлемым для турецкого политического истеблишмента. Как считается, геноцид армян начался, когда в Османской империи шел длительный процесс исламизации общества, зарожденный в эпоху правления султана Абдула-Хамида II (1876-1909 гг.), уже при котором начались негативные поползновения в сторону жестокого обращения с армянами и другими иноверцами. Признать геноцид армян, значит, признать тот факт, что в тот период развития государства, который рассматривается членами Партии справедливости и развития как один из самых ярких и важных в истории Турции, власти страны совершили большое количество непоправимых ошибок, а сама современная Турция впоследствии зародилась в самом кровавом режиме на костях невинно убиенных армян.

«Политику отрицания» геноцида армян следует рассматривать как часть ребрендинга турецкой истории, проводимого деятелями АРК с целью поддержания турецкой идентичности. Неслучайно в 2014 г. президент Турции Реджеп Тайип Эрдоган выступил с речью, в которой сказал о том, что произошедшие события в Османской империи в годы Первой мировой войны (1914-1918), — «общая боль» как для армян, так и для турок, для всех подданных империи вне зависимости от этнической или религиозной принадлежности². Соответственно, нужно вспоминать не о геноциде армян, а о «страданиях турецких, курдских, арабских, армянских и миллионов других

---

1 Ibid.

2 Tunç A. Geopolitics of denial: Turkish state's "Armenian problem"// J. of Balkan and Near Eastern studies. – Routledge.Taylor&Francis Group, 2016. – P. 134.

османских граждан»¹. Концепция «общей боли» является неотъемлемой частью «политики отрицания» Турцией геноцида армян².

Другим важным аспектом ребрендинга турецкой истории и «политики отрицания» стал перенос даты памяти погибших в битве при Чанаккале, или в Галлипалийском сражении, в 1915 г. С 2015 г. турецкое правительство постановило отмечать день битвы не 18 марта, а 24-25 апреля — в день, когда армяне всего мира скорбят о погибших в результате массовых убийств и депортации³.

Выбор такой даты не случаен. 18 марта 1915 г. корабли стран Антанты вошли в Дарданеллы и начали атаку, которая не завершилась успехом для союзных стран: Турция понесла незначительные потери и, в целом, сумела отстоять свою территорию. Однако 25 апреля Антанта начала высадку десанта на полуостров Галлиполи, в результате чего британцам удалось закрепиться на западных рубежах Османской империи. Перенос даты в 2015 г. представлял собой попытку переосмыслить историю, «был нацелен на маргинализацию памяти армян», который Турция обвиняет в предательстве и измене в годы войны⁴, а также «затмить» ежегодную годовщину геноцида армян в Ереване⁵.

По сути Галлиполийское сражение интерпретируется современными властями государства как место джихада против христианского Запада и

---

1 ECHR: Why Turkey won't talk about the Armenian genocide // The Telegraph. – Mode of access: <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/europe/turkey/11373115/Amal-Clooneys-latest-case-Why-Turkey-wont-talk-about-the-Armenian-genocide.html> [Accessed: 15.12.2017.]

2 Ibid.

3 Tunç A. Geopolitics of denial: Turkish state's "Armenian problem" // J. of Balkan and Near Eastern studies. – Routledge. Taylor & Francis Group, 2016. – P. 136.

4 Ibid.

5 Britain sidesteps Armenian genocide recognition a century after killings // The Guardian. – Mode of access: <https://www.theguardian.com/world/on-the-middle-east/2015/apr/23/britain-sidesteps-armenian-genocide-recognition-a-century-after-killings> [Accessed: 15.12.2017.]

изображает армян как представителей интересов христианских западных держав¹. Исследователи полагают, что Турция посредством «политики отрицания» «узаконивает преемственность между Османской империей и современной турецкой государственной идентичностью», оправдывая зверства в отношении армян геополитической необходимостью². В таком случае рассматривать геноцид армян необходимо с учетом следующих «пересекающихся» событий:

1) поражения Турции в итало-турецкой (1911-1912) и I Балканской (1913-1914) войнах, которое привело к реваншистской реакции и радикализации общества, вылившейся в антиармянские погромы;

2) Галлиполийского сражения, параллельно с которым начались массовые расстрелы армянской интеллигенции в Стамбуле и экспроприация армянского имущества;

3) депортации армян из зон военных действий и их принудительной ассимиляции³.

В исследовании британского учёного Марка Бейкера (Mark R. Baker) рассматривается интересная идея того, что «сегодня, чтобы быть полноценным национальным государством, мало только флага, гимна или оперного театра, нужен геноцид», а точнее «этноцид»⁴. Турецкая Республика — продукт насилия и противоправной деятельности лидеров партии «Единение и прогресс», в среде которой формировались взгляды представителей Республиканской народной партии — основателей

---

1 Tunç A. Geopolitics of denial: Turkish state's "Armenian problem"// J. of Balkan and Near Eastern studies. – Routledge. Taylor & Francis Group, 2016. – P. 136.

2 Tunç A. Geopolitics of denial: Turkish state's "Armenian problem"// J. of Balkan and Near Eastern studies. – Routledge. Taylor & Francis Group, 2016. – P. 130.

3 Tunç A. Geopolitics of denial: Turkish state's "Armenian problem"// J. of Balkan and Near Eastern studies. – Routledge. Taylor & Francis Group, 2016. – P. 131.

4 Baker Mark R. The Armenian genocide and its denial: a review of recent scholarship. – Cambridge univ. press UK, 2015. – P. 202.

современной турецкой государственности¹. Геноцид армян и ассимиляция нетюркского населения стали одной из важнейших составляющих создания нынешней Турции². В связи с этим руководству Республики крайне невыгодно признавать геноцид армян и осуждать младотурецкий режим, заложивший основу для реализации проекта нового турецкого республиканского национального государства³.

Следует отметить, что в ходе изучения англоязычной литературы, посвящённой проблеме геноцида армян, автором данной работы были выявлены следующие закономерности рассмотрения проблемы иностранными исследователями.

Во-первых, в каждой изученной книге содержится подробное хронологическое описание исторических событий тех лет, в контексте которых осуществлялся геноцид армян. Практически все авторы из заявленного списка литературы рассматривают геноцид армян как:

1) реакцию турок на поражения в войнах XIX-XX вв., в результате которых Османская империя потеряла значительную часть своей территории;

2) реакцию турок на экономическое обогащение армянского этноса, составлявшего серьёзную конкуренцию архаичному и костному мусульманскому большинству, переживавшему стагнацию своего социально-экономического развития;

3) результат возникновения националистических тенденций в османском обществе и негативного отношения мусульманского большинства к представителям других конфессий;

4) результат восприятия армян как «пятой колонны» и «раковой опухоли» Османского общества;

---

1 Baker Mark R. The Armenian genocide and its denial: a review of recent scholarship. – Cambridge univ. press UK, 2015. – P. 203.

2 Baker Mark R. The Armenian genocide and its denial: a review of recent scholarship. – Cambridge univ. press UK, 2015. – P. 208.

3 Baker Mark R. The Armenian genocide and its denial: a review of recent scholarship. – Cambridge univ. press UK, 2015. – P. 202.

5) результат закулисных игр великих держав против «больного человека Европы».

Во-вторых, авторы большинства работ пытаются найти ответ на вопрос: «Что же действительно произошло в 1915-1923 гг.?». Для описания событий тех лет используются такие понятия как преступление против человечности (crime against humanity), резня (massacre), истребление (annihilation), депортация (deportation) и собственно геноцид (genocide). Причём употребляя термин «геноцид», исследователи сами не до конца уверены в целесообразности его использования.

Проблема заключается ещё и в том, что до конца Второй мировой войны (1939-1945) никто и не знал такого слова, как «геноцид»¹. Оно было введено польским юристом еврейского происхождения Рафаэлем Лемкиным, автором проекта Конвенции ООН о предупреждении и наказании преступления геноцида, принятой в 1948 г. В ней дается следующее определение данного понятия: «действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую...»². В данном случае два обстоятельства имеют решающее значение³:

1) произошло ли преступление против армян в результате систематической политики Османской империи по свершению массовых убийств (имело ли место быть намерение или случайное стечение обстоятельств/необдуманное принятие решений);

2) являлись ли невооружённые армяне (то есть армяне, не

---

1 Baker Mark R. The Armenian genocide and its denial: a review of recent scholarship. – Cambridge univ. press UK, 2015. – P. 127.

2 Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него. – Режим доступа:
http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/genocide [Дата обращения: 15.12.2017.]

3 Tunç A. Geopolitics of denial: Turkish state's "Armenian problem"// J. of Balkan and Near Eastern studies. – Routledge. Taylor & Francis Group, 2016. – P. 127.

мобилизованные в османскую армию) объектами геноцида или же они подверглись лишь депортации и экспроприации имущества, а истреблению подлежали лишь те, кто был обвинён в предательстве и измене родине. Большинство публикаций, посвященных проблеме геноцида армян, утверждают, что младотурки депортировали армян лишь из зон военных действий, исходя из соображений безопасности¹.

Считается, что до сих пор не доказано, было ли официальное распоряжение о геноциде армян. Возможно, правительство просто издало указ о депортации, который был истолкован мусульманским большинством как сигнал для свершения противоправных действий в отношении армян². В связи со всем этим и возникает вопрос о законности классификации событий тех лет в качестве геноцида.

В-третьих, в большинстве изученных работ исследователи пытаются провести параллели между геноцидом армян и Холокостом. Вывод заключается в том, что достаточно сложно сопоставить эти события: «Холокост — уникален. Если геноцид армян — это тоже геноцид, то тогда само слово вообще теряет смысл»³ (достаточно спорное утверждение — Прим. автора).

В-четвертых, британские исследователи не скупятся использовать красноречивые слова для описания жестокого обращения с армянским населением. Отдельное внимание практически в каждой работе отдаётся феномену «Армении без армян». В работах содержится информации о сексуальном насилии над армянскими женщинами и девочками, многие из которых были вынуждены работать в публичных домах — обслуживать

---

1 Tunc A. Geopolitics of denial: Turkish state's "Armenian problem"// J. of Balkan and Near Eastern studies. – Routledge. Taylor & Francis Group, 2016. – P. 126.

2 De Waal T. Great catastrophe. Armenians and Turks in the Shadow of Genocide. – Oxford univ. press UK, 2015. – P. 35.

3 Robertson G. An inconvenient genocide. Who now remember the Armenians? – Biteback Publishing Ltd, 2015. – P. 34.

турецких чиновников и военных¹. Мало того, что большое количество армянских женщин потеряли детей в силу разных причин (выкидыши, убиение младенцев из-за отсутствия сил и средств ухаживать за ними, продажа детей), многие из них получили венерические заболевания. Ставших обузой для «клиентов», этих женщин жестоко убивали².

Что касается освещения геноцида армян в средствах массовой информации Соединённого Королевства, то оно несколько отличается от подлинно научных работ британских исследователей. Следует отметить, что сама проблема геноцида армян не особо привлекает внимание британских журналистов. В настоящее время (2015-2017 гг. — Прим. автора) информационных материалов, посвященных злодеяниям османского правительства, настолько мало, что складывается впечатление, будто британские СМИ сознательно уклоняются от анализа данного исторического явления. Большинство из них не отличается высокоинтеллектуальным контентом, не содержит точных позиций в отношении проблемы, а также не даёт однозначных оценок. Тем не менее, одной из особенностей британских СМИ, освещающих проблему геноцида армян, является то, что они рассматривают собственно проблему не геноцида армян, а признания геноцида армян.

Связано это с тем, что проблема признания геноцида армян является важным вопросом в развитии турецко-британских двусторонних отношений, а также связей между Турцией и её партнёрами по НАТО. Как пишут журналисты из ВВС, признание геноцида армян одной из участниц Вашингтонского договора «приведёт Турцию в ярость», что без сомнения нанесёт урон сотрудничеству в рамках альянса³. Они словно намекают: признание геноцида армян достаточно не выгодное для европейцев дело.

---

1 Thomas P. Remembering Armenian Genocide. – Gwasg Carreg Gwalch, 2015. – P. 132

2 Ibid.

3 Q&A: Armenian genocide dispute // ВВС. – Mode of access: <http://www.bbc.co.uk/news/world-europe-16352745> [Accessed: 15.12.2017.]

Особняком стоит лишь статья Гильса Фразера (Dr. Giles Fraser), автора колонки в британском издании «The Guardian», который считает, что произошедшие события — не что иное, как геноцид армян, которые для османского правительства были врагами»¹. По его мнению, главную причину непризнания Великобританией геноцида армян следует искать «меньше, чем в 30 милях от Тарсуса — на авиабазе Инджирлик, используемой ВВС США и Великобритании»².

Действительно, согласно позиции Foreign Office, «признание геноцида армян не даст Великобритании никакой практической пользы, если учитывать важность двусторонних отношений (политических, стратегических, коммерческих) с Турцией»³, которая в настоящее время является стратегическим партнёром Туманного Альбиона в борьбе с Исламским государством⁴.

Впрочем, британский истеблишмент понимает: было бы правильным принимать меры по содействию примирению между Турцией и Арменией⁵, чтобы окончательно положить конец многолетнему турецко-армянскому спору о том, что действительно произошло в те кровавые 1915-1923 годы. А случится ли это примирение, покажет время.

---

1 Why is the UK government so afraid to speak of Armenian genocide? // The Guardian. – Mode of access: <https://www.theguardian.com/commentisfree/belief/2015/apr/24/why-uk-government-so-afraid-speak-armenian-genocide> [Accessed: 15.12.2017.]

2 Ibid.

3 Ibid.

4 Of course, Germany refused to deny the Armenian genocide // The Independent. – Mode of access: <http://www.independent.co.uk/voices/of-course-germany-would-refuse-to-deny-the-armenian-genocide-a7061526.html> [Accessed: 15.12.2017.]

5 Britain sidesteps Armenian genocide recognition a century after killings // The Guardian. – Mode of access: <https://www.theguardian.com/world/on-the-middle-east/2015/apr/23/britain-sidesteps-armenian-genocide-recognition-a-century-after-killings> [Accessed: 15.12.2017.]